

Международная Библиотека.

№ 44.

И. ТЭНЬ.

МЕТОДЪ КРИТИКИ

И

ОБЪ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гипографія Брауде, Пантелеймонская улица, № 21.

1896.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Іюня 3 дня 1896 г.

Histoire de la littérature anglaise. 1864. Introduction.

Переводъ А. К.

Вотъ уже сто лѣтъ, какъ исторія преобразовалась въ Германіи, и шестьдесятъ,—какъ во Франціи. Это свершилось вслѣдствіе изученія литературы.

Открыли, что литературное произведеніе не есть простая игра воображенія, самородный капризъ, родившійся въ горячей головѣ, но снимокъ съ окружающихъ нравовъ и признаковъ извѣстнаго состоянія умовъ. Отсюда заключили, что возможно по литературнымъ памятникамъ узнать, какъ чувствовали и думали люди нѣсколько вѣковъ назадъ. Попробовали это сдѣлать, и опытъ удался.

Стали размышлять надъ этими способами чувствовать и думать и рѣшили, что они обусловливаются фактами высшаго порядка. Убѣдились, что способы эти зависятъ отъ болѣе важныхъ явленій; что они объясняютъ ихъ и ими объясняются; что отнынѣ слѣдуетъ дать имъ мѣсто въ исторіи, и мѣсто очень почетное. Имъ его дали, и съ этихъ поръ въ исторіи все измѣнилось: объектъ, методъ, орудія, концепціи законовъ и причинъ. Это то измѣненіе, какъ оно происходитъ и какъ должно происходить, я и постараюсь изложить здѣсь.

I.

Источники исторіи суть лишь указанія, при помощи которыхъ надо возстановить видимаго индивидуума. Какое ваше первое замѣчаніе, когда вы переворачиваете огромныя, плотныя страницы фоліанта, пожелтѣвшіе листы манускрипта, короче: поэмы, кодекса, дѣяній? То, что фоліантъ не созданъ самъ собою. Онъ—лишь форма, подобно ископаемой раковинѣ; онъ—оттискъ, похожій на отпечатокъ, оставленный на камнѣ животнымъ, которое когда то жило и умерло. Въ раковинѣ жило когда-то животное, въ манускриптѣ отразился человѣкъ. Для чего изучаемъ мы раковину, если не для того, чтобы получить представленіе о животномъ? Точно такъ же мы изучаемъ литературный документъ только для того, чтобы познать человѣка. Раковина и литературный документъ являются лишь воздушными обломками. Они имѣютъ значеніе лишь какъ опредѣлители цѣлаго и живого существа. До этого-то живого существа нужно добратъся, его то нужно попытаться возстановить. Ошибаются тѣ, которые хотятъ изучить литературный документъ, какъ нѣчто самостоятельное. Это значитъ смотрѣть на вещи, какъ простой ціа-листъ, какъ составитель каталоговъ. Въ сущности, нѣтъ ни міеологіи, ни языкознанія, но есть лишь люди, создающіе слова и образы соотвѣтственно потребностямъ ихъ органовъ и самобытной формѣ ихъ ума. Догматъ самъ по себѣ не значитъ ничего, нужно обращать вниманіе на людей, создавшихъ его, на такой то портретъ XVI в., на строгую и энергичную личность какого нибудь архіепископа, или англійскаго мученика. Ничто не существуетъ помимо индивидуума. И намъ нужно узнать самый инди-

видуумъ. Когда установили филиацію догматовъ, или классификацію поэмъ, или прогрессъ конституцій, или трансформацию нарѣчій, — этимъ лишь расчистили почву. Настоящая исторія создается лишь тогда, когда историкъ начинаетъ различать, сквозь мракъ отдаленнаго времени *живого* человѣка, дѣйствующаго, одареннаго страстями, имѣющаго свои привычки, голосъ и свою физиономію, свои жесты и платье; когда онъ различаетъ его ясно и отчетливо, какъ того человѣка, который намъ вотъ только что встрѣтился на улицѣ. Попытаемся же, насколько возможно, уничтожить тотъ огромный промежутокъ времени, который мѣшаетъ намъ наблюдать человѣка, видѣть его „нашими собственными глазами“. Кто скрывается за изящными сатиновыми страничками современной поэмы? Современный поэтъ, человѣкъ, какъ Альфредъ Мюссе, Гюго, Ламартинъ или Гейне, кончившій гимназію тамъ-то, путешествовавшій; скрывается господинъ въ черномъ фракѣ, въ перчаткахъ, пользующійся благосклонностью дамъ; господинъ, который въ теченіе вечера дѣлаетъ пятьдесятъ поклоновъ и отпускаетъ десятка два остроумія въ высшемъ свѣтѣ; господинъ, читающій по утрамъ газеты, живущій обыкновенно въ четвертомъ этажѣ, не слишкомъ веселый, потому что страдаетъ нервами и, въ особенности, потому, что въ демократической средѣ, въ которой мы вращаемся, дискредитированіе патентованнаго дворянства увеличило его собственныя претензіи, возвысивъ его значеніе, а утонченность ощущеній придаетъ поэту порой охоту мнить себя богомъ. Вотъ что различаемъ мы за современными „думами“ и „сонетами“. — Точно такъ же за трагедіей XVII вѣка скрывается поэтъ, поэтъ, какъ Расинъ, напримѣръ: изящный, сдержанный, ловкій придворный, острякъ, въ

величественномъ парикѣ и въ башмакахъ съ лентами, искренній монархистъ и христіанинъ, „получившій отъ Бога даръ не краснѣть ни въ какомъ обществѣ, ни въ обществѣ королей, ни духовенства“, знающій, какъ позабавить государя, переведа ему на понятный языкъ пикантную остроту Амю *), крайне почтительный къ знатымъ и помнящій всегда вблизи нихъ „свой шестокъ“; одинаково предупредительный и сдержанный, какъ въ Марли **), такъ и въ Версали; среди лощеной природы, превращенной въ декорацію, среди реверансовъ, вождѣленій, подходцевъ и хитростей расшитыхъ золотомъ баръ, поднявшихся рано, чтобы получить право уповать на какую нибудь придворную должность; среди прелестныхъ дамъ, считающихъ по пальчикамъ свою генеалогію, чтобы добиться „табурета“ (права сидѣть въ присутствіи короля, какъ знака особенной милости). Сверхъ того посовѣтуйтесь еще съ Сенъ-Симономъ и съ гравюрами Перелля, какъ только что совѣтовались съ Бальзакомъ и съ акварелями Этьеня Лами.—Подобнымъ же образомъ, когда мы читаемъ греческую трагедію, нашею первою заботой должно быть представить себѣ грековъ, то есть людей, ходившихъ полунагими, жившихъ въ „гимназіяхъ“ ***) или же на площадяхъ подъ прелестнымъ небомъ, имѣя предъ глазами изящный и величественный пейзажъ, занятыхъ либо приданіемъ

*) Амю (Amyot), одинъ изъ творцовъ изящнаго французскаго языка; переводчикъ Плутарха и римскихъ поэтовъ, жилъ въ XVI в. (1531—1593).

**) Лѣтній дворецъ Людовика XIV, разрушенный во время революціи.

***) Какъ извѣстно, у древнихъ грековъ «гимназіями» назывались мѣста, назначенныя для гимнастическихъ упражненій.

своему тѣлу возможной гибкости и силы, либо спорами, бесѣдами, обсужденіями, либо патріотическимъ пиратствомъ; въ концѣ концовъ, людей праздныхъ и умѣренныхъ, имѣвшихъ вмѣсто мебели въ домѣ три амфоры, а вмѣсто провизіи два анѣуса въ кувшинѣ масла; людей, которымъ служили рабы, доставляя, такимъ образомъ, господамъ досугъ развивать свой умъ, укрѣплять свои мышцы и не имѣть другихъ заботъ, кромѣ желанія обладать самымъ красивымъ городомъ, устроить самую красивую процессію, овладѣть самой красивой идеей и видѣть вокругъ себя самыхъ красивыхъ людей. Если вы къ этому прибавите статую Мелеагра или Тезея Парее-нонійскаго, или же видъ Средиземнаго моря, изъ котораго выходятъ острова подобно мраморнымъ тѣламъ, да еще двадцать избранныхъ фразъ Платона и Аристофана, то вы узнаете больше, чѣмъ изъ множества диссертаций и комментаріевъ. — Такимъ же образомъ далѣе, чтобы понять какую нибудь Пурану *) начните съ того, что представьте себѣ отца семейства, который, „послѣ того, какъ узрѣлъ сына на колѣняхъ сына“, согласно закону, удаляется въ пустыню, съ топоромъ и съ чашей, подъ тѣнь банана, на берегу ручья, перестаетъ говорить, учащаетъ посты, пребываетъ голымъ между четырьмя огнями, имѣя надъ собой пятый огонь, то есть ужасное солнце, уничтожающее и возраждающее все живое; который послѣдовательно въ теченіе цѣлыхъ недѣль сосредоточивается мысленно на стопахъ Брамь, потомъ на его колѣняхъ, на его лядвяхъ, на пупѣ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, покуда, подъ вліяніемъ такого

*) По санскритски-поэма. Сборникъ священныхъ пѣсень, предписаній закона, историческихъ преданій и легендъ Индостана и Малабара.

усиленнаго размышленія, не являются галлюцинаціи; покуда всѣ формы бытія, сожженные и перерожденные одна въ другую, проходятъ вереницей въ этой головѣ, охваченной безуміемъ; до тѣхъ поръ, покуда этотъ неподвижный человѣкъ, затаивъ дыханіе, устремивъ неподвижно взоръ,—не видитъ вселенную, испаряющуюся, какъ дымъ, надъ верховнымъ Ничто, въ которое онъ жаждетъ погрузиться. Въ этомъ отношеніи путешествіе въ Индію было бы лучшимъ изученіемъ; въ случаѣ же невозможности его, — рассказы путешественниковъ, книги по географіи, ботаникѣ и этнографіи могли бы сослужить ту же службу. Во всякомъ случаѣ, изысканія должны быть тѣ же самыя. Языкъ, законодательство, катехизисъ, все это—лишь абстрактныя вещи. Сущность же составляетъ *человѣкъ*, дѣйствующій человѣкъ во плоти, котораго можно видѣть, который ѣстъ, ходитъ, дерется и работаетъ. Оставьте въ покоѣ теоріи конституцій и механизмъ ихъ, религіи и ихъ системы; постарайтесь увидѣть людей въ ихъ мастерскихъ и конторахъ, на ихъ поляхъ, подъ роднымъ небомъ, на ихъ почвѣ, въ ихъ домахъ, ихъ платьѣ, культуру и пирушки. Такъ дѣлаете это вы, когда, высадившись въ Англіи или Италіи, разсматриваете лица и жесты, тротуары и таверны, гуляющаго обывателя и пьющаго рабочаго. Нашей главной заботой должно быть на сколько возможно восполнить такія наблюденія, которыхъ мы уже не можемъ болѣе сдѣлать лично и непосредственно. Наблюденія эти—единственный путь, представляющій возможность познать человѣка. Превратимъ же для себя прошедшее въ настоящее; чтобы судить о предметѣ, нужно, чтобы онъ былъ предъ нами. Надъ отсутствующими объектами невозможно продѣлать опытъ. Безъ сомнѣнія, воз-

становленіе прошлаго всегда неполно; оно дѣлаетъ возможнымъ лишь неполныя оцѣнки; но нужно примириться съ этимъ. Лучше уже имѣть неполное знакомство, чѣмъ совсѣмъ ничего не знать или имѣть ложное представленіе. И нѣтъ другого способа узнать приблизительно, какъ жили въ былое время, помимо того, чтобы увидѣть, хотя приблизительно, людей былого времени.

Таковъ первый шагъ въ исторіи. Его сдѣлали въ Европѣ въ концѣ прошлаго вѣка, вмѣстѣ съ Лессингомъ и Вальтеръ-Скотомъ, которые возродили воображеніе. Немного позже то же сдѣлали во Франціи Шатобрианъ, Огюстэнъ Тъери, Мишлэ и многіе другіе. Теперь—вотъ второй шагъ.

II.

Видимый, тѣлесный человекъ есть лишь указаніе, при помощи котораго надо изучать человека невидимаго, его душу. Когда вы наблюдаете видимаго человѣка, чего ищете вы? Человѣка невидимаго. Его слова, которыя звучатъ въ вашихъ ушахъ, его жесты, выраженіе лица, одежда, его поступки и замѣчаемыя дѣла всякаго рода,—все это для васъ лишь выраженія. Во всемъ этомъ проявляется нѣчто—душа. Подъ внѣшнимъ человѣкомъ скрывается внутренній, и первый проявляетъ лишь второго. Вы рассматриваете его домъ, его мебель, платье, все это для того, чтобы найти слѣды его привычекъ, вкусовъ, степень его воспитанности или грубости, расточительности или бережливости, его глупости или ума. Вы слушаете его разговоръ и замѣчаете изгибы голоса, перемѣну его положеній; все это для того, чтобы судить о страстности, легкости и веселости,

или же о силѣ и рѣзкости его. Вы изучаете его рукописи, произведенія искусства, его денежные или же политическія предпріятія; все это для того, чтобы оцѣнить величину и размѣръ его ума, его изобрѣтательность и хладнокровіе, чтобы открыть, каковы порядокъ, родъ и обычная сила его идей, какимъ образомъ онъ думаетъ и рѣшается предпринимать что нибудь. Всѣ эти внѣшніе признаки являются дорогами, пересѣкающимися въ одномъ центрѣ, и вы направляетесь по нимъ только для того, чтобы достигнуть до этого центра. Тамъ то находится дѣйствительный человѣкъ,—я подразумѣваю группу способностей и чувствъ, производящую остальное. Вотъ новый міръ, міръ безконечный, потому что всякое видимое дѣйствіе влечетъ за собою безконечную цѣпь разсужденій, эмоцій, новыхъ или же старыхъ ощущеній, содѣйствовавшихъ появленію его на свѣтъ и которыя, подобно длиннымъ грядамъ скалъ, глубоко погруженнымъ въ почвѣ, достигаютъ въ немъ своей границы и истощаются въ немъ. Этотъ то скрытый міръ представляетъ второй объектъ, объектъ собственно историка. Если его критическое воспитаніе достаточно, то онъ въ состояніи различить подъ всякимъ архитектурнымъ орнаментомъ, во всякой чертѣ картины, во всякой фразѣ какого нибудь сочиненія, то отдѣльное чувство, которое породило орнаментъ, черту или же фразу. Онъ присутствуетъ при внутренней драмѣ, которая совершается въ артистѣ или писателѣ. Извѣстный выборъ словъ, краткость или длинота періодовъ, родъ метафоръ, размѣръ стиховъ, порядокъ разсужденій,—все для него служить показателемъ. Въ то время, какъ онъ читаетъ глазами текстъ, душа его и мысль слѣдятъ за измѣняющейся серіей

эмоцій и концепцій, породившихъ этотъ текстъ. Онъ опредѣляетъ *психологию* ихъ. Если вы хотите наблюдать эту операцію, взгляните на побудители и на модель современныхъ произведеній. Гете, прежде чѣмъ приступить къ писанію „Ифигеніи“, цѣлые дни употреблялъ на то, чтобы рисовать наиболѣе совершенныя статуи. И когда, наконецъ, онъ насмотрѣлся на благородныя черты античнаго пейзажа, тогда вся мысль его была проникнута гармонической красотой античной жизни—ему удалось воспроизвести такъ точно привычки и манеры греческаго творчества,— что Гете далъ намъ почти близнеца Антигонѣ Софокла и богинямъ Фидіа. Это точное и неоспоримое отгадываніе возрѣній прошлаго въ наше время обновило исторію. Въ прошломъ вѣкѣ его почти совершенно не знали. Тогда предполагали, что люди всѣхъ вѣковъ и народовъ почти похожи другъ на друга, что грекъ, варваръ, индусъ, человѣкъ эпохи возрожденія, человѣкъ XVIII в., всѣ отлиты какъ бы въ одной формѣ, и все это дѣлалось на основаніи отвлеченной концепціи, которая служила для всего человѣческаго рода. Тогда знали человѣка, но не знали людей; не проникли еще въ его душу, не видали еще безконечнаго разнообразія и удивительной сложности человѣческаго сердца; не знали еще, что нравственная структура каждаго народа и каждаго вѣка такъ же своеобразна и такъ же отличается другъ отъ друга, какъ физическая структура каждаго семейства растений или каждаго рода животныхъ. Теперь исторія, подобно зоологіи, нашла свою анатомію, и какова бы ни была та область исторіи, въ которой вы работаете—филологія, лингвистика или же миеологія,—чтобы добиться новыхъ результатовъ, нужно слѣдовать указаннымъ путямъ. Изъ многихъ

писателей, которые послѣ Гердера, Готффрида Мюллера и Гете продолжали и исправляли непрерывно этотъ великій трудъ,—пусть читатель обратитъ лишь вниманіе только на двухъ историковъ и на два произведенія; одно—это комментарий къ „Кромвеллю“—Карлейля, другое „Port-Royal“—Сэнь-Бёва. Читатель увидитъ, съ какою увѣренностью, проницательностью и какъ безошибочно можно открыть душу въ ея произведеніяхъ и поступкахъ; какимъ образомъ въ старомъ полководцѣ, вмѣсто зауряднаго честолюбиваго ханжи, мы находимъ человѣка, побуждаемаго мечтою, волнуемаго меланхолическимъ воображеніемъ, но положительнаго англичанина до мозга костей, страннаго и непонятнаго для всякаго, не изучившаго климатъ и расу; какимъ образомъ при помощи сотни разбросанныхъ писемъ и двухъ десятковъ отрывковъ рѣчей можно прослѣдить за нимъ отъ его фермы и рабочей скотины до палатки генерала и до трона протектора. Мы можемъ прослѣдить всѣ перемѣны, совершавшіяся въ немъ, его развитіе, безпокойство, совѣты и рѣшенія государственнаго человѣка; намъ равно становятся видимыми механизмъ его мысли и поступковъ,—и скрытая трагедія, волновавшая эту великую мрачную душу, происходитъ, какъ трагедія Шекспира, въ душѣ всѣхъ присутствующихъ. Читатель увидитъ, какимъ образомъ въ монастырскихъ ссорахъ и въ оппозиціи монахинь можно найти цѣлую область человѣческой психологіи; какимъ образомъ пятьдесятъ различныхъ характеровъ, скрытыхъ однообразіемъ простаго разказа, опять являются на свѣтъ, всякій со своею отличительною фізіономіей и безчисленными особенностями; какимъ образомъ въ богословскихъ диссертаціяхъ и въ однообразныхъ проповѣдяхъ можно различить

біеніе живого сердца, подъемъ и упадокъ религіозной жизни, неожиданныя перемѣны и разнообразіе природы, вліяніе внѣшняго міра, побѣду кротости; и все это съ такимъ разнообразіемъ оттѣнковъ, что самое подробное описаніе и наиболѣе гибкій стиль врядъ ли собрали бы ту обильную жатву, которую критика открываетъ на этихъ тучныхъ поляхъ. То же мы видимъ всюду. Германія, умъ которой такъ гибокъ; такъ обширенъ, такъ быстръ къ метаморфозамъ и такъ способенъ воспроизводить наиболѣе отвлеченныя и наиболѣе прихотливыя состоянія человѣческой мысли; Англія, со своимъ положительнымъ умомъ, способнымъ разсматривать въ деталяхъ вопросы морали, точно, при помощи текстовъ и здраваго смысла, обозначить эти вопросы цифрами, измѣрить ихъ вѣсъ, протяженіе, мѣсто нахожденія, статистику; наконецъ Франція съ ея парижской культурой, съ ея салонными привычками, съ ея непрерывнымъ анализомъ характеровъ и произведеній, съ ея ироніей, столь быстро умѣющей подмѣчать слабости, съ ея остроуміемъ, столь опытнымъ въ распознаваніи оттѣнковъ; — всѣ эти страны работали въ той же области; всюду начинаютъ понимать, что нѣтъ отдѣла исторіи, въ которомъ не слѣдовало бы разрабатывать этотъ тучный наземъ, если хотятъ увидѣть богатые всходы на его бороздахъ.

Таковъ второй шагъ. Мы теперь заканчиваемъ его. Онъ, собственно говоря, — произведеніе современной критики. Никто не сдѣлалъ такого вѣрнаго и такого большого шага, какъ Сэнъ-Бѣвъ. Въ этомъ отношеніи мы всѣ—его ученики. Его методъ обновляетъ теперь во всѣхъ книгахъ и даже въ газетахъ всѣ роды критики: литературную, философскую и религіозную. Чтобы начать дальнѣйшую эволюцію,

слѣдуетъ принять его, какъ пунктъ отправленія. Я пытался уже нѣсколько разъ указать на эту эволюцію. По моему мнѣнію, она является новымъ открытымъ путемъ въ исторіи. И я постараюсь описать подробнѣе этотъ путь.

III.

Въ основѣ свойствъ и дѣйствій чловѣка лежатъ извѣстная общія направленія мысли и чувства. Когда вы подмѣтили и обозначили въ чловѣкѣ одно, два, три, а потомъ множество чувствъ,—достаточно ли этого для васъ и кажется ли вамъ ваше знакомство полнымъ? Можно ли счесть психологіей тетрадь съ замѣтками? Это — не психологія. Здѣсь, какъ и всюду, розысканіе причинъ должно явиться послѣ того, какъ собраны факты. Безразлично, будутъ ли это факты фзическіе или же моральные; всѣ они всегда обусловлены причинами. Честолюбіе, храбрость, любовь къ истинѣ, такъ же объясняются причинами, какъ несвареніе желудка, какъ мускульное движеніе, какъ животная теплота. Порокъ и добродѣтель суть продукты, какъ купоросъ или сахаръ, и всякое сложное данное порождено взаимодействіемъ другихъ данныхъ, болѣе простыхъ, отъ которыхъ оно зависитъ. Станемъ же искать простыхъ данныя для нравственныхъ свойствъ, какъ мы ищемъ ихъ для свойствъ фзическихъ, и рассмотримъ первый попавшійся фактъ, напримѣръ: религиозную музыку въ протестантскихъ церквяхъ. Есть внутренняя причина, заставившая вѣрныхъ остановиться на этихъ торжественныхъ и монотонныхъ мелодіяхъ, причина болѣе важная, чѣмъ ея дѣйствіе; я подразумеваю общую идею внѣшняго проявленія культа. Эта идея

создала архитектуру храма, ниспровергала статуи, отбросила картины, разрушила украшения, сократила духовныя церемоніи, заключила молящихся среди скамей съ высокими спинками, скрывающихъ общій видъ; она руководила тысячами подробностей внѣшняго благолѣпія и т. д. Сама она была вызвана другою, еще болѣе общею причиною: идеей о поведеніи человѣка вообще, какъ внутреннемъ, такъ и внѣшнемъ; идеей о его молитвахъ, поступкахъ, намѣреніяхъ всякаго рода по отношенію къ Богу. Эта идея водворила доктрину милосердія, уменьшила значеніе духовенства, преобразовала таинства, уничтожила рутину; видоизмѣнила религію, построенную на дисциплинѣ въ религію моральную. Эта вторая идея, въ свою очередь, зависитъ отъ третьей, еще болѣе общей, а именно, отъ идеи нравственнаго совершенства, каковая заключается въ представленіи о совершенномъ Божествѣ, о непогрѣшимомъ Судіѣ, строгомъ блюстителѣ душъ, предъ которымъ всякая душа грѣшна, достойна наказанія и не можетъ быть ни добродѣтельна, ни обрѣсти спасеніе, развѣ только вслѣдствіе мукъ совѣсти, вызываемыхъ Божествомъ, и обновленія сердца, которое оно производитъ. Вотъ главная концепція, которая состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать долгъ абсолютнымъ царемъ человѣческой жизни, чтобы повергнуть къ стопамъ образца нравственности всѣ идеальныя образцы. Здѣсь мы касаемся сущности человѣка, ибо, чтобы объяснить эту концепцію, намъ нужно рассмотреть самое расу, т. е. Германца и человѣка сѣвера, структуру его характера и ума, какимъ образомъ онъ чаще всего думаетъ и чувствуетъ; медленность и холодность ощущеній, которыя не дозволяютъ ему всецѣло и легко подпасть подъ вліяніе

чувственныхъ удовольствій; грубость вкусовъ, неправильность и внезапность концепцій, задерживающихъ въ немъ зарожденіе красивыхъ образовъ и гармоничныхъ формъ; презрѣніе къ внѣшнимъ формамъ, потребность истины, привязанность къ абстрактнымъ и неподкрашеннымъ идеямъ, развивающую въ немъ совѣсть въ ущербъ всему остальному. Здѣсь останавливается изысканіе. Мы подошли къ нѣкоему первоначальному предрасположенію, къ чертѣ, свойственной всѣмъ ощущеніямъ, всѣмъ концепціямъ извѣстнаго вѣка или извѣстной расы, къ извѣстной особенности, не раздѣльной со всѣмъ складомъ ума и чувства ихъ. Въ нихъ заключаются великія причины, потому что эти причины вѣчны и всеобщы; онѣ присущи всякому моменту и обстоятельству и дѣйствуютъ всюду и всегда; они не уничтожимы, господство ихъ неизбѣжно, потому что рѣдкіе и единичные случаи, происходящіе наперекоръ имъ, въ концѣ концовъ уступаютъ глухому и непрерывному, повторенію ихъ усилій. Такимъ образомъ, общій строй вещей и главнѣйшія черты присшествій суть результаты этихъ причинъ. Религія, философія, поэзія, промышленность, форма общественнаго и семейнаго строя—въ сущности являются лишь отпечатками, выбитыми ихъ печатью.

IV.

Главныя формы мысли и чувства, ихъ вліяніе въ исторіи. Итакъ, существуетъ система въ чувствахъ и въ идеяхъ человѣческихъ, и эта система имѣетъ первоначальнымъ двигателемъ нѣсколько главныхъ чертъ, нѣсколько свойствъ ума и сердца, общихъ всѣмъ представителямъ извѣстной расы. Точно такъ же,

какъ въ минералогіи всѣ кристаллы, какъ бы различны они не были, происходятъ отъ нѣсколькихъ простыхъ формъ тѣлъ,—точно такъ и въ исторіи всѣ цивилизаціи, какъ бы различны онѣ не были, происходятъ отъ нѣсколькихъ простыхъ формъ мышленія. Первыя объясняются первоначальнымъ геометрическимъ элементомъ; вторыя — первоначальнымъ элементомъ психологическимъ. Чтобы постигнуть общій видъ кристаллографическихъ системъ, нужно вначалѣ изучить правильное тѣло, его грани и углы, и въ этомъ первообразѣ подмѣтити тѣ безчисленныя трансформаціи, которыя простой кристаллъ можетъ дать. Подобнымъ же образомъ, если вы хотите постигнуть общее представленіе объ историческихъ разновидностяхъ, изучите вначалѣ вообще душу человѣка, съ двумя—тремя основными способностями ея, и въ этомъ первообразѣ вы замѣтите всѣ тѣ главныя формы, которыя она можетъ дать. Разумѣется, эта отвлеченная картина, какъ геометрическая, такъ и психологическая, далеко не сложна, и не трудно увидѣть рамки, въ которыя должны улесться цивилизаціи, такъ же, какъ и кристаллы. Что мы находимъ въ человѣкѣ въ самомъ началѣ? Образы, или *представленія* о предметахъ, т. е. то, что носится внутренне передъ нимъ, сохраняется нѣкоторое время, исчезаетъ и снова возвращается послѣ того, какъ онъ видѣлъ какое нибудь дерево, животное, словомъ, предметъ, воспринимаемый чувствами. Это—матеріалъ для всего остального, и развитіе этого матеріала бываетъ двоякое,—умозрительное или практическое, смотря по тому, приводитъ ли представленіе къ *общему понятію*, или къ *активному рѣшенію*. Вотъ вамъ весь человѣкъ вкратцѣ; и въ этихъ тѣсныхъ границахъ встрѣчаются всѣ человѣческія

разновидности, то въ самомъ первоначальномъ матеріалѣ, то въ первоначальномъ двойкомъ развитіи его. Какъ бы малы не были различія въ первоначальныхъ элементахъ, они громадны въ массѣ, и малѣйшія измѣненія въ факторахъ производятъ колоссальныя измѣненія въ продуктѣ. Представленіе можетъ быть ясное, словно высѣченное рѣзцемъ, или же туманное, неопредѣленное; въ немъ можетъ быть сосредоточено много или мало признаковъ предмета, оно можетъ быть порывистое и сопровождаемое импульсами, или же спокойное и невозмутимое; и въ зависимости отъ всего этого мѣняются всѣ дѣйствія и весь ходъ человѣческой машины.—Такъ-же точно, въ зависимости отъ различнаго послѣдующаго развитія представленій, мѣняется все человѣческое развитіе. Если общее понятіе, къ которому приводитъ представленіе, есть только простое, сухое обозначеніе, какъ напр. у китайцевъ, языкъ дѣлается какой то алгеброй, поэзія и религія прозябаютъ. Философія дѣлается чѣмъ то въ родѣ нравственнаго и практическаго здраваго смысла, наука—собраніемъ рецептовъ, классификацій, утилитарныхъ мнемоникъ, вообще вся духовная дѣятельность принимаетъ позитивистское направленіе. Если, наоборотъ, общее понятіе, къ которому приводитъ представленіе, есть поэтическое и образное твореніе, живой символъ, какъ у арійскихъ расъ,—языкъ дѣлается чѣмъ то въ родѣ эпонеи, богатой оттѣнками и красками, гдѣ каждое слово является дѣйствующимъ лицомъ,—поэзія и религія распускаются пышнымъ и неувыдаемымъ цвѣтомъ, метафизика широко развивается и изошряется, не заботясь о практическихъ примѣненіяхъ; вся духовная дѣятельность, не смотря на неизбѣжныя уклоненія и временныя ослабленія,

направлена къ высокому и прекрасному и создаетъ идеаль, способный привлечь къ себѣ своимъ благо-родствомъ и гармоніей любовь и поклоненіе чело-вѣческаго рода. Если же общее понятіе, къ которому приводитъ представленіе, будетъ хотя и поэтическое, но ничѣмъ не будетъ сдерживаться, если чело-вѣкъ достигаетъ его не постепенно, а сразу, по индукціи, если первоначальный процессъ не есть правильное развитіе, а внезапный взрывъ, тогда, какъ у семи-тическихъ расъ, метафизика отсутствуетъ, религія постигаетъ только Бога властнаго, разрушительнаго и недоступнаго, наука не можетъ образоваться, — умъ слишкомъ непреклоненъ и упоренъ, чтобы разрѣ-шить сложную задачу, представляемую природой, по-эзія можетъ создать только рядъ пылкихъ и гран-діозныхъ возгласовъ, языкъ не можетъ соединить мысль съ краснорѣчіемъ, чело-вѣкъ отдается лириче-скому энтузіазму, необузданной страсти, фанатическо-му и ограниченному образу дѣйствій. Въ этомъ имен-но промежуткѣ между частнымъ представленіемъ и универсальнымъ понятіемъ и находятся зародыши самыхъ значительныхъ чело-вѣческихъ различій. Нѣкоторыя расы, напр. классическія, переходятъ отъ перваго ко второму со ступеньки на ступеньку, черезъ постепенный рядъ правильно распре-дѣленныхъ и все болѣе и болѣе общихъ идей; другіе, напр. германцы, совершаютъ тотъ же переходъ неровными скачками, послѣ долгихъ и нерѣшительныхъ блужданій во тьмѣ. Нѣкоторые, какъ напр. римляне и англичане, оста-навливаются на первыхъ ступенькахъ, другіе, какъ напр. индусы и нѣмцы, всходятъ до послѣднихъ. — Теперь, рассмотрѣвши переходъ отъ представленія къ понятію, взглянемъ на переходъ отъ представ-ленія къ рѣшенію. И тутъ мы находимъ элемен-

тарныя различія такого же значенія и порядка, въ зависимости отъ того, будетъ ли впечатлѣнiе ярко, какъ въ южныхъ странахъ, или тускло, какъ въ сѣверныхъ, ведетъ ли оно къ дѣйствию сейчасъ же, какъ у варваровъ, или только позднѣе, какъ у цивилизованныхъ народовъ, способно ли оно къ усиленiю, къ измѣнчивости, къ устойчивости, къ связи. Отсюда происходитъ вся система человѣческихъ страстей, всѣ шансы общественнаго спокойствiя и безопасности, всѣ источники труда и дѣятельности. То же можно сказать и о другихъ первоначальныхъ различiяхъ; послѣдствiя ихъ охватываютъ всю цивилизацію, и ихъ можно сравнить съ тѣми алгебраическими формулами, которыя въ сжатомъ видѣ напередъ заключаютъ въ себѣ всю кривую; законъ которой выражаютъ. Не всегда законъ оправдывается до конца; иногда онъ нарушается. Но это не доказываетъ ложность закона, а только то, что не онъ одинъ тутъ дѣйствовалъ: новые элементы примѣшались къ прежнимъ, явились новыя могучiя силы и стали противодѣйствовать первоначальнымъ. Раса эмигрируетъ, какъ напр. древнiе арiйцы, и вотъ съ перемѣной климата мѣняется весь запасъ ея умственнаго развитiя и вся ея общественная организація. Народъ завоеванъ, какъ напр. Саксонцы, и вотъ новый политическiй строй навязываетъ ему привычки, способности и наклонности, которыхъ онъ раньше не имѣлъ. Народъ, какъ напр. спартанцы, поселяется среди побѣжденныхъ, которыхъ онъ эксплоатируетъ и боится, и вотъ необходимость жить на боевомъ положенiи ломаетъ въ извѣстномъ направленiи весь его нравственный и социальный складъ. Таковъ, во всякомъ случаѣ, механизмъ человѣческой исторiи. Первоначальной пружиной всегда

служить какая нибудь общая склонность ума и души, врожденная и присущая расѣ, или же приобретенная благодаря какому нибудь обстоятельству, вліяющему на расу. Но эти могучія пружины мало по малу производятъ свое дѣйствіе и, по истеченіи нѣсколькихъ вѣковъ, приводятъ народы въ новое литературное, религіозное, соціальное, экономическое состояніе, даютъ такимъ образомъ новое условіе, которое, въ совокупности съ ихъ возобновленнымъ усиленіемъ, порождаетъ еще новое условіе, благопріятное или неблагопріятное, медленно или быстро образующееся. Итакъ, общее движеніе каждой отдѣльной цивилизаціи можно разсматривать, какъ дѣйствіе постоянной силы, которая каждую минуту измѣняетъ свое произведеніе, измѣняя условія, при которыхъ дѣйствуетъ.

V.

Три первобытныя силы. Раса. Три различные источника способствуютъ происхожденію этого первоначальнаго нравственнаго состоянія: *раса, среда и моментъ.* *Расой* мы называемъ врожденные и наслѣдственныя склонности, которыя человѣкъ приноситъ съ собой на свѣтъ и которыя обыкновенно сопровождаются различіями въ темпераментѣ и въ строеніи тѣла. Онѣ различаются, смотря по народамъ. Бываютъ естественныя разновидности людей, какъ бываютъ разновидности быковъ и лошадей: одни храбры и умны, другіе робки и ограничены, одни способны къ высшимъ понятіямъ и твореніямъ, другіе осуждены на элементарныя идеи и изобрѣтенія, иные болѣе приспособлены къ извѣстной работѣ, богаче надѣлены извѣстными инстинктами, какъ однѣ породы собакъ болѣе способны

быстро бѣгать, другія бороться, иныя охотиться и, наконецъ, иныя стеречь дома и стада. Эти природныя свойства представляютъ собой силу настолько самобытную, что, не смотря на громадныя отклоненія, которымъ она подвергается подъ вліяніемъ двухъ другихъ двигателей, она всегда сохраняетъ свои существенныя признаки. Раса, какъ напр. арійская, разсѣянная отъ Ганга до Гебридовъ, живущая въ самыхъ различныхъ климатахъ, находящаяся на самыхъ различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, измѣненная 30-вѣковымъ существованіемъ, все таки проявляетъ въ своихъ языкахъ, религіяхъ, литературахъ и философіяхъ общность крови и духа, связывающую по сіе время всѣ ея отпрыски. Не смотря на все ихъ различіе, родство ихъ сохранилось; какую бы важную роль ни играли варварство, культура, переходное состояніе между обоими, различіе неба и почвы, благопріятныя или неблагопріятныя случайности,—существенныя линіи первобытной формы сохранились, и подъ позднѣйшими отпечатками, наложенными временемъ, мы находимъ двѣ или три главныя черты первобытнаго отпечатка. Нѣтъ ничего удивительнаго въ этой чрезвычайной стойкости. Хотя на такомъ громадномъ разстояніи мы можемъ лишь неполно и неясно представить себѣ происхожденіе видовъ, но историческія событія достаточно освѣщаютъ событія доисторическія, чтобы объяснить почти непоколебимую стойкость первобытныхъ характеровъ. Когда мы встрѣчаемъ ихъ впервые, за 15, 20 или 30 вѣковъ до нашей эры, они уже представляютъ собой у арійца, у египтянина, у китайца, произведеніе гораздо большаго числа вѣковъ, можетъ быть нѣсколькихъ мириадъ вѣковъ. Всякое животное должно приравливаться къ окружающей его средѣ;

оно иначе дышетъ, иначе питается, иначе чувствуетъ съ измѣненіемъ воздуха, температуры и пищи. Различный климатъ и положеніе вызываютъ въ немъ различныя потребности, вслѣдствіе этого — систему различныхъ дѣйствій, далѣе вслѣдствіе этого — систему различныхъ привычекъ и, наконецъ, вслѣдствіе этого — систему различныхъ способностей и инстинктовъ. Человѣкъ, принужденный сообразоваться съ обстоятельствами, пріобрѣтаетъ соотвѣтственный имъ характеръ и темпераментъ, и этотъ характеръ и темпераментъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ глубже впечатлѣніе окружающаго, постоянно повторяясь, вкореняется въ немъ и чѣмъ больше оно по наслѣдству передается его потомству. Такимъ образомъ, въ каждую данную минуту на характеръ народа можно смотрѣть, какъ на результатъ всѣхъ его предыдущихъ дѣйствій и ощущеній, т. е. на величину и на вѣсъ, хотя и не безконечный, ибо въ природѣ все ограничено, но непропорціональный всему остальному и почти не поддающійся измѣренію: каждое мгновеніе почти безконечнаго прошлаго способствовало увеличенію его, и для уравниванія его надо было бы собрать въ другой чашкѣ вѣсовъ еще большее количество дѣйствій и ощущеній. Вотъ первый и самый богатый источникъ тѣхъ главныхъ свойствъ, которыя даютъ начало историческимъ событіямъ; сила же его, какъ сразу видно, происходитъ отъ того, что онъ не простой источникъ, а подобенъ озеру и представляетъ собой какъ бы глубокой резервуаръ, куда остальные источники впродолженіи множества вѣковъ несли и скопляли также и свои воды.

Среда. Опредѣливъ внутренній составъ расы, мы должны разсмотрѣть среду, въ которой она живетъ. Ибо человѣкъ не одинъ на свѣтѣ: онъ окруженъ при-

родой и другими людьми; на первоначальныя и постоянныя черты ложатся случайныя и второстепенныя, и природный характеръ измѣняется или дополняется физическими и социальными обстоятельствами, дѣйствующими на него. Въ иныхъ случаяхъ климатъ имѣетъ рѣшительное вліяніе. Хотя мы лишь смутно можемъ прослѣдить исторію арійскихъ племенъ, начиная съ ихъ общей родины и кончая ихъ позднѣйшими отечествами, мы можемъ все-же утверждать, что громадная разница, которую мы видимъ между германскими расами съ одной стороны и эллиническими и латинскими съ другой, происходитъ большей частью отъ различія странъ, въ которыхъ онѣ поселились. Однѣ, живя въ холодныхъ и сырыхъ краяхъ, въ глуши непроходимыхъ, болотистыхъ лѣсовъ или на берегу суроваго океана, предоставлены мрачнымъ и сильнымъ ощущеніямъ, склонны къ пьянству и грубой пищѣ, принуждены вести воинственный и хищнической образъ жизни; другія живутъ въ самыхъ прекрасныхъ мѣстностяхъ, на берегу яснаго и живописнаго моря, и у нихъ является охота къ мореплаванію и торговлѣ, онѣ избавлены отъ грубыхъ потребностей желудка, у нихъ сейчасъ же является склонность къ общественнымъ привычкамъ и политической организаціи, къ чувствамъ и свойствамъ, развивающимъ краснорѣчіе, умѣніе наслаждаться жизнью, изобрѣтеніе наукъ, искусствъ и литературы.—Въ иныхъ случаяхъ политическія обстоятельства оказываютъ вліяніе, какъ напр., въ обѣихъ итальянскихъ цивилизаціяхъ. Первая вся направлена на дѣйствіе, на завоеваніе, управленіе и законодательство, вслѣдствіе того что Римъ первоначально представлялъ укрѣпленный городъ, пограничный *emporium*, вооруженную аристократію, которая вводила къ себѣ и

формировала въ полки чужестранцевъ и побѣжденныхъ, ставила такимъ образомъ лицомъ къ лицу два враждебныхъ лагеря и лишь въ систематической войнѣ находила исходъ своимъ внутреннимъ неурядицамъ и своимъ хищническимъ инстинктамъ. Вторая была далека отъ единства и всепоглощающаго политическаго честолюбія, благодаря прочности своей муниципальной формы правленія, благодаря космополитическому положенію своего папы и воинственному вмѣшательству сосѣднихъ народовъ,—и вся отдалась влеченію своего прекраснаго и гармоническаго генія, культу сладострастія и красоты.—Въ иныхъ случаяхъ, наконецъ, соціальныя условія накладываютъ свою печать, какъ напр. 18 вѣковъ тому назадъ посредствомъ христіанства и 20 вѣковъ тому назадъ посредствомъ буддизма, когда вокругъ Средиземнаго моря, какъ и въ Индостанѣ, крайнія послѣдствія завоеванія и организаціи арійцевъ привели къ невыносимому угнетенію, къ подавленію личности, къ полному отчаянію и къ проклятію, повисшему надъ міромъ, съ одной стороны, а съ другой къ развитію метафизики и мечтательности, когда человѣкъ въ этомъ безъизходномъ бѣдствіи смягчился душой и постигъ самоотверженіе, милосердіе, кротость, смиреніе, братство между людьми,—тамъ въ идеѣ всеобщаго ничтожества, тутъ въ идеѣ единаго Отца Небеснаго.—Присмотритесь къ регулирующимъ инстинктамъ какой нибудь расы, къ вкоренившимся въ ней способностямъ, словомъ къ направленію ея ума, опредѣляющему образъ мыслей и дѣйствій ея въ настоящее время; вы найдете въ нихъ въ большинствѣ случаевъ дѣйствіе одного изъ такихъ важныхъ обстоятельствъ, изъ такихъ постоянныхъ и могучихъ давленій, подъ напоромъ которыхъ поддавался и

складывался, изъ поколѣнія въ поколѣніе, характеръ какъ отдѣльной личности, такъ и всего народа вообще. Въ Испаніи вы находите восьмивѣковой крестовый походъ противъ мусульманъ, продолженіемъ котораго, къ вѣщшему истощенію народа, является изгнаніе мавровъ, ограбленіе евреевъ, учрежденіе инквизиціи, католическія войны; въ Англіи — восьмивѣковое политическое устройство, развивающее въ человѣкѣ самостоятельность и дисциплину, независимость и послушаніе, приучающее его бороться всѣмъ народомъ подъ властью закона; во Франціи — латинскую организацію, первоначально навязанную послушнымъ варварамъ, потомъ разрушенную при всеобщемъ разгромѣ, затѣмъ преобразовывающуюся подъ скрытымъ вліяніемъ національнаго инстинкта, развивающуюся при наслѣдственныхъ короляхъ и, наконецъ, переходящую въ родъ республики, эгалитарной, централизованной, административной республики, подъ управленіемъ династій, подвергающихся революціямъ. — Таковы самыя дѣйствительныя изъ доступныхъ наблюденію причинъ, преобразующихъ первобытнаго человѣка; для націй онѣ — то-же, что воспитаніе, профессія, положеніе, мѣстожителство для отдѣльныхъ личностей, и въ нихъ повидимому все заключается, потому-что онѣ обнимаютъ собой всѣ внѣшнія причины, которыя формируютъ человѣческое существо и посредствомъ которыхъ внѣшній міръ дѣйствуетъ на внутренній.

Моментъ. Есть однако еще третій разрядъ причинъ, такъ какъ кромѣ силъ внѣшнихъ и внутреннихъ имѣется и произведеніе этихъ совокупныхъ силъ, которое способствуетъ въ свою очередь созданію послѣдующаго произведенія; кромѣ постоянного импульса и данной среды, есть еще и приобрѣтенная скорость.

Національный характеръ и окружающія обстоятельства дѣйствуютъ не на *tabula rasa*, а на доску съ извѣстнымъ уже отпечаткомъ. Смотря по тому, въ какой моментъ берется доска, отпечатокъ на ней будетъ иной, и этого достаточно, чтобы общее дѣйствіе было иное. Возьмите два момента какой нибудь литературы или искусства, напр., французскую трагедію при Корнелѣ и Вольтерѣ, греческій театръ при Эсхилѣ и Эврипидѣ, латинскую поэзію при Лукреціи и Клавдіанѣ, итальянскую живопись при Винчи и при Гвидо; конечно, общее понятіе не измѣнилось; и въ тотъ и въ другой моментъ изображаютъ и рисуютъ все тотъ же человѣческій типъ; форма стиха, построение драмы, видъ тѣлъ—все это осталось то же. Но въ числѣ другихъ различій, здѣсь есть и то, что одинъ художникъ является предшественникомъ, другой—преемникомъ, что первый не имѣетъ образца, а второй имѣетъ образецъ, что первый видитъ предметы лицомъ къ лицу, а второй чрезъ посредство пераго; что нѣкоторыя значительныя части искусства усовершенствовались; что простота и величіе впечатлѣній уменьшились, изящество и утонченность формы возросли, — словомъ, что первое произведеніе имѣло рѣшительное вліяніе на второе. Въ этомъ отношеніи націю можно сравнить съ растеніемъ: то же зерно при той же температурѣ и на той же почвѣ даетъ, на разныхъ ступеняхъ своего послѣдовательнаго развитія, различныя образованія,—различныя почки, цвѣты, плоды, сѣмена,—такъ-что послѣдующее всегда зависитъ отъ предыдущаго и беретъ свое начало въ его смерти. Возьмите теперь не короткій моментъ, какъ сейчасъ, а какое нибудь широкое развитіе, охватывающее одно или нѣсколько столѣтій, какъ напр. средніе вѣка

или нашу послѣднюю классическую эпоху, и вы прійдете къ тому же заключенію. Въ нихъ господствуетъ извѣстное преобладающее понятіе; люди въ продолженіи двухсотъ, пятисотъ лѣтъ представляютъ себѣ извѣстный идеалъ человѣка, въ средніе вѣка— въ образѣ рыцаря и монаха, въ нашъ классическій вѣкъ— въ образѣ придворнаго и краснобая; эта творческая и всеобщая идея проявляется на всемъ полѣ дѣятельности и мысли, затѣмъ, наводнивши міръ своими невольнo-систематическими произведеніями, истощается и умираетъ, а ей на смѣну является новая идея, чтобы такъ же господствовать и такъ же творить. Очевидно, что вторая отчасти зависитъ отъ первой, ибо первая въ совокупности съ національнымъ гениемъ и окружающими обстоятельствами опредѣляетъ характеръ и направленіе возникающихъ явленій. Вотъ законъ, по которому образуются большія историческія теченія, т. е. продолжительное господство извѣстной формы духа или извѣстной преобладающей мысли, какъ напр. періодъ самостоятельныхъ твореній, называемый Возрожденіемъ, или періодъ ораторскихъ классификацій, называемый классическимъ вѣкомъ, или же рядъ мистическихъ синтезовъ, называемый александрійской или христіанской эпохой, или періодъ миеологическаго расцвѣта, встрѣчаемый при зарожденіи Германіи, Индіи и Греціи. Тутъ, какъ и вездѣ, мы имѣемъ передъ собою не что иное, какъ механическую проблему: окончательное дѣйствіе вполнѣ опредѣляется величиной и направленіемъ производящихъ его силъ.

Какимъ образомъ исторія есть проблема психологическаго механизма. Въ какихъ границахъ возможно предвидѣніе. Единственная разница между нравственными проблемами и физическими заключается въ томъ, что въ

первыхъ направленія и величины не могутъ быть также вычислены и опредѣлены, какъ въ послѣднихъ. Хотя всякая потребность, всякая способность представляетъ собою величину, способную увеличиваться и уменьшаться, подобно давленію или вѣсу, однако она не можетъ быть измѣряема, какъ давленіе или вѣсъ. Мы не можемъ выразить ее ни точной, ни приближительной формулой; мы можемъ имѣть и передать, по отношенію къ ней, только литературное впечатлѣніе, мы принуждены лишь отмѣчать и приводить выдающіеся факты, въ которыхъ она выражается и которые только приближительно и грубо указываютъ ея степень. Хотя способы обозначенія въ моральныхъ наукахъ иные, нежели въ физическихъ, но, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ матеріаль тотъ же и такъ же составляется изъ силъ, направленій и величинъ, то мы можемъ сказать, что окончательное дѣйствіе тутъ и тамъ производится по однимъ и тѣмъ же правиламъ. Оно будетъ велико или мало, смотря по тому, велики или малы основныя силы и направлены ли онѣ болѣе или менѣе одинаково, смотря по тому, соединяются ли отдѣльныя дѣйствія расы, среды и момента, для того чтобы способствовать другъ другу, или чтобы уничтожить другъ друга. Этимъ объясняется продолжительное безсиліе или блестящій успѣхъ, неравномѣрно и безъ всякой явной причины появляющіеся въ жизни народа; они происходятъ отъ внутреннихъ согласій или противорѣчій. Мы видимъ такое согласіе, когда въ 17-мъ вѣкѣ вроденные во Франціи общежительный характеръ и разговорчивость встрѣтились съ салонными привычками и моментомъ ораторскаго анализа; когда, въ 19-мъ столѣтіи, гибкій и глубокій умъ нѣмцевъ встрѣтился съ вѣкомъ философскихъ син-

тезисовъ и космополитической критики. Мы видимъ такое противорѣчіе, когда, въ 17 столѣтіи, суровый, замкнутый духъ англичанъ неловко пытался усвоить себѣ новѣйшую учтивость, когда, въ 16 столѣтіи, ясный и прозаическій умъ французовъ напрасно пытался создать живую поэзію. Такое скрытое согласіе творческихъ силъ породило образцовую вѣжливость и правильную, благородную литературу при Людовикѣ XIV и Боссюэтѣ, грандіозную метафизику и широкую критическую симпатію при Гегелѣ и Гете. Такое скрытое противорѣчіе творческихъ силъ породило неполную литературу, скандалезную комедію и неудачный театръ при Драйденѣ и Вичерли, дурныя заимствованія у грековъ, робкія попытки, поддѣлки, маленькія, частичныя красоты при Ронсарѣ и его плеядѣ. Мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что невѣдомыя творенія, къ которымъ влечетъ насъ теченіе вѣковъ, будутъ всецѣло вызваны и регулированы первоначальными тремя силами, — что, еслибъ эти силы могли быть измѣрены и вычислены, изъ нихъ, какъ изъ формулы, можно было бы вывести свойства будущей цивилизаціи; и еслибы, не смотря на очевидную грубость нашихъ обозначеній и неточность самихъ измѣреній, мы хотѣли составить себѣ теперь какое нибудь понятіе о нашихъ общихъ судьбахъ, мы должны были бы при всѣхъ нашихъ предположеніяхъ исходить изъ разсмотрѣнія этихъ силъ. Ибо, исчисляя ихъ, мы охватываемъ весь кругъ дѣйствующихъ силъ, и среду и моментъ, т. е. внутренній двигатель, внѣшнее давленіе и приобрѣтенную скорость, мы исчерпываемъ не только всѣ дѣйствительныя, но также и всѣ возможныя причины движенія.

VI.

Какъ распредѣляются дѣйствія первоначальной причины.—Общность элементовъ.—Группировка.—Законъ взаимной зависимости.—Законъ пропорціональныхъ вліяній.

Остается теперь найти, какъ распредѣляютъ свое дѣйствіе эти вліяющія на націю или на вѣкъ причины. Какъ источникъ, берущій начало въ вершинѣ, разливаетъ свои воды, падая съ уступа на уступъ и достигая, наконецъ, долины, такъ и способность ума или души, присущая народу въ силу расы, среды или момента, распространяется въ разной степени и въ правильномъ нисходящемъ порядкѣ на всѣ разряды явленій, составляющихъ цивилизацію народа.

Составляя географическую карту какой нибудь страны, мы видимъ, что воды общаго источника въ известномъ мѣстѣ раздѣляются и распадаются на пять или шесть главныхъ бассейновъ, затѣмъ послѣдніе, въ свою очередь, распадаются на нѣсколько второстепенныхъ бассейновъ, и такъ—до тѣхъ поръ, пока вся мѣстность съ тысячами своихъ неровностей не будетъ охвачена развѣтвленіями этой сѣти. Точно также, составляя психологическую карту событій и чувствъ какой нибудь человѣческой цивилизаціи, мы находимъ сначала пять или шесть рѣзко очерченныхъ областей,—религію, искусство, философію, государство, семью, промыслы,—затѣмъ въ каждой изъ этихъ областей—природные отдѣлы и, наконецъ, въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ болѣе мелкія подраздѣленія, пока не дойдемъ до тѣхъ безчисленныхъ подробностей жизни, которыя мы повседневно замѣчаемъ въ себѣ и вокругъ себя. Разсматривая и сравнивая эти различные группы явленій, мы увидимъ, что онѣ состоятъ изъ частей и что у нихъ есть

общія части. Возьмемъ сначала три главныхъ произведенія человѣческаго ума: религію, искусство и фило-софію. Что такое фило-софія, какъ не понятіе о природѣ и ея первобытныхъ причинахъ, подъ видомъ абстракцій и формулъ? Что составляетъ сущность религіи и искусства, какъ не понятіе о той же природѣ и тѣхъ же первобытныхъ причинахъ, подъ видомъ болѣе или менѣе установившихся символовъ и болѣе или менѣе опредѣленныхъ личностей, съ той только разницей, что въ религіи вѣрятъ въ ихъ существованіе, въ искусствѣ не вѣрятъ. Разсмотрите нѣкоторыя изъ этихъ главныхъ твореній человѣческаго духа въ Индіи, Скандинавіи, Персіи, Римѣ, Греціи, и вы увидите, что вездѣ искусство есть родъ фило-софіи, воспринимаемый чувствами, религія — родъ поэмы, принимаемой за истину, фило-софія — родъ искусства и религіи, превращенныхъ въ сухія и чистыя идеи. Итакъ, въ центрѣ каждой изъ этихъ трехъ группъ есть общій элементъ, понятіе о мірѣ и его началѣ, а различаются онѣ между собой тѣмъ, что каждая изъ нихъ къ общему элементу присоединяетъ еще свой особенный элементъ: одна — способность отвлеченія, другая — способность олицетворенія, соединеннаго съ вѣрой, третья — даръ олицетворенія безъ вѣры. Возьмемъ теперь два главныхъ продукта человѣческой ассоціаціи, — государство и семью. Чѣмъ создается государство, какъ не чувствомъ повиновенія, въ силу котораго масса людей соединяются подъ властью одного главы? И что создаетъ семью, какъ не то же чувство повиновенія, въ силу котораго жена и дѣти подчиняются мужу и отцу? Семья — это естественное, первобытное, ограниченное государство, а государство — искусственная, позднѣйшая, распространенная семья; и какъ

въ большомъ, такъ и въ маленькомъ обществѣ, подѣ различіями, которыя влечетъ за собой число, происхожденіе, положеніе членовъ, мы находимъ одну и ту же основную наклонность ума, сближающую и связывающую ихъ. Теперь предположите, что этотъ общій элементъ получаетъ особенныя черты отъ среды, момента и расы; — ясно, что *соответственно этому измѣняются всѣ группы, въ которыя онъ входитъ*. Если чувство повиновенія не что иное, какъ страхъ, вы встрѣтите, какъ въ большинствѣ восточныхъ государствъ, жестокой деспотизмъ, обиліе казней, эксплуатацію подданныхъ, подобострастіе народовъ, необеспеченность собственности, упадокъ производства, рабство женщины и гаремные обычаи. Если чувство повиновенія исходитъ изъ инстинкта дисциплины, общежитія и чести, вы встрѣтите, какъ во Франціи, отличную военную организацію, прекрасную администраціонную іерархію, недостатокъ общественнаго духа вмѣстѣ съ порывами патриотизма, непрекословное послушаніе подданныхъ вмѣстѣ съ нетерпѣливыми выходками революціонеровъ, низкопоклонство придворнаго вмѣстѣ съ независимымъ образомъ дѣйствій благороднаго чловѣка, изящество разговора и свѣтскаго обращенія вмѣстѣ съ дразгмами домашнего очага и семьи, равенство супруговъ вмѣстѣ съ несовершенствомъ брака, по необходимости охраняемаго принудительной силой закона. Если же чувство повиновенія исходитъ изъ инстинкта субординаціи и понятія о долгѣ, вы встрѣтите, какъ у германскихъ племенъ, прочную и счастливую семью, благоустроенную домашнюю жизнь, позднее и неполное развитіе свѣтской жизни, врожденное почтеніе къ установленному сану, суевѣрное отношеніе къ прошлому, поддерживаніе социальныхъ неравенствъ,

естественное и привычное уваженіе къ закону. Точно также отъ различной способности расъ къ общимъ идеямъ будетъ зависѣть различіе ихъ религіи, искусства и философіи. Если человѣкъ отъ природы способенъ къ самымъ широкимъ универсальнымъ понятіямъ, но въ то же время склоненъ затемнять ихъ, благодаря нервной утонченности своей возбужденной организаціи, вы найдете, какъ въ Индіи, изумительное обиліе гигантскихъ религіозныхъ твореній, пышный расцвѣтъ непомѣрныхъ, прозрачныхъ эпосовъ, странную смѣсь фантастическихъ и замысловатыхъ философскихъ ученій, и всѣ эти произведенія такъ тѣсно связаны между собой и до такой степени проникнуты однимъ общимъ характеромъ, что, по ихъ обширности, по ихъ колориту и по ихъ безпорядку, вы сразу признаете въ нихъ продукты одного и того же климата, одного и того же духа. Напротивъ, если человѣкъ, отъ природы здравый и уравновѣшенный, добровольно ограничиваетъ ширину своихъ понятій, для того чтобы точнѣе опредѣлить форму ихъ, вы найдете, какъ въ Греціи, теологію художниковъ и рассказчиковъ; найдете боговъ, сейчасъ же отдѣленныхъ отъ вещественнаго міра и почти съ самаго начала воплощенныхъ въ лицахъ, найдете чувство мірового единства почти утраченнымъ, едва сохраннымъ, неясность понятія о Судьбѣ; найдете философію, скорѣе тонкую и сжатую, чѣмъ грандіозную и систематическую, ограниченную въ области высшей метафизики, ¹⁾ но несравненную въ логикѣ, софистикѣ

¹⁾ Метафизическая философія возникаетъ лишь при соприкосновеніи съ Востокомъ. Метафизическія возрѣнія Аристотеля единичны; при томъ у него, какъ у Платона, они представляютъ только бѣглые взгляды. Посмотрите, для контраста, на систематическую мощь у Платина, Прокла, Шеллинга и Гегеля, или же

и морали;—поэзію и искусства, не имѣющія себѣ подобныхъ по ясности, естественности, чувству мѣры, правдѣ и красотѣ своей. Наконецъ, если человѣку доступны лишь узкія понятія, если онъ лишенъ умозрительной способности и въ то же время всецѣло погрузился въ практическія занятія и зачерствѣлъ въ нихъ, вы увидите, какъ въ Римѣ, боговъ въ зачаточномъ состояніи, представляющихъ одни пустыя названія, годныя для обозначенія самыхъ мелкихъ подробностей земледѣлія, семьи и хозяйства, могущія служить ярлыками въ бракѣ и на фермѣ, и, слѣдовательно, вы найдете почти ничтожную или заимствованную миеологію, философію и поэзію. Здѣсь, какъ и вездѣ, проявляется *законъ взаимной зависимости*¹⁾. Всякая цивилизація представляетъ одно цѣлое, части котораго соединены между собой на подобіе частей органическаго тѣла. У животнаго инстинкты, зубы, члены, костяная, мускульная система связаны между собой такъ, что какое нибудь измѣненіе въ одномъ вызываетъ соотвѣтственное измѣненіе въ остальныхъ и что искусный естествоиспытатель по нѣкоторымъ отдѣльнымъ кускамъ можетъ опредѣлить строеніе всего тѣла. Такъ же точно въ цивилизаціи религія, философія, форма семьи, литература, искусство составляютъ систему, въ которой всякое частичное измѣненіе влечетъ за собой общее измѣненіе, и опытный историкъ, изучая какую нибудь небольшую часть данной цивилизаціи, впередъ видитъ и на половину предсказываетъ характеръ

на замѣчательную смѣлость браманической и буддической философіи.

¹⁾ Я нѣсколько разъ старался выяснитъ этотъ законъ, въ особенности въ предисловіи къ моимъ „Essais de critique et d'histoire“. См. стр. 45—64 настоящей книжки.

всего остального. Эта зависимость вполне ясна. Въ живомъ организмѣ она устанавливается прежде всего стремленіемъ его проявить извѣстный первобытный типъ и затѣмъ необходимостью обладать органами, способными удовлетворить его потребности, необходимостью находиться въ согласіи съ самимъ собой, дабы имѣть возможность жить. Въ цивилизаціи она устанавливается присутствіемъ во всякомъ великомъ человѣческомъ твореніи производительнаго элемента, присутствующаго также и въ другихъ окружающихъ твореніяхъ: я разумѣю подъ этимъ какую нибудь сильную значительную способность, склонность, которая вноситъ свойственный ей характеръ во всѣ процессы, въ которыхъ она принимаетъ участіе и, по мѣрѣ того, какъ сама измѣняется, измѣняетъ всѣ произведенія, созданію которыхъ содѣйствуетъ.

VII.

Законъ образованія группъ. — Примеры и указанія.
Установивъ эту точку зрѣнія, мы можемъ намѣтить главныя черты преобразованій человѣка и приступить къ отысканію законовъ, управляющихъ уже не отдѣльными событіями, а цѣлыми рядами событий, не одной какой нибудь религіей или литературой, а цѣлой группой религій или литературъ. Если вы замѣтите, что есть моменты, расы и среды, въ которыхъ съ необыкновенной силой развиваются вмѣстѣ вѣра, метафизика и поэтическая способность, если вы обратите вниманіе на то, что христіанство и буддизмъ являлись въ эпохи грандіозныхъ синтезовъ и среди дѣйствій, подобныхъ тому угнетенію, что было причиной возмущенія севенскихъ иступленниковъ; если вы признаете съ другой сто-

роны, что первобытныя религіи возникли при пробужденіи человѣческаго разума, во время самаго богатаго расцвѣта человѣческаго воображенія, въ пору самой непринужденной наивности и самаго большого легковѣрія; если вы обратите вниманіе на то, что магометанство появилось съ возникновеніемъ поэтической прозы и понятія о національномъ единствѣ въ народѣ, лишенномъ науки, въ моментъ внезапнаго умственнаго развитія,—вы придете къ заключенію, что религія зарождается, падаетъ, измѣняется и преобразуется, смотря по тому, на сколько правильно и энергично обстоятельства усиливаютъ и соединяють три производящихъ ее инстинкта; вы поймете, почему она стала эндемической въ Индіи, среди умовъ, отличающихся воображеніемъ, философскимъ направленіемъ и, главное, восторженностью; почему она развивается такъ необычайно и грандіозно въ средніе вѣка, въ притѣснительномъ обществѣ; среди новыхъ языковъ и новыхъ литературъ; почему она возстала въ 16 вѣкѣ, приобрѣвъ новый характеръ и героическій энтузіазмъ, въ моментъ всеобщаго возрожденія, при пробужденіи германскихъ расъ; отчего она размножается въ странныхъ сектахъ среди грубой американской демократіи, и отчего, наконецъ, въ настоящее время она распространена въ Европѣ въ такой различной степени и съ такими разнообразными особенностями, смотря по различію расъ и цивилизацій. Тоже можно сказать о литературѣ, музыкѣ, живописи, философіи, наукахъ, государствѣ, промышленности и проч. Непосредственной причиною каждаго изъ нихъ служить какая нибудь нравственная наклонность или совокупность нравственныхъ наклонностей: если причина — на лице, творчество появляется; при удаленіи причины оно

исчезаетъ; отъ слабости или силы причины, зависитъ, его собственная слабость или сила. Оно связано съ нимъ, какъ физическое явленіе—съ условіемъ, его порождающимъ, какъ роса—съ охлажденіемъ окружающей температуры, какъ расширение—съ теплотой. Тутъ, въ нравственномъ мірѣ, существуютъ такія же пары явленій, какъ и въ физическомъ, такъ же неразрывно связанныя и такъ же повсемѣстно распространены въ томъ, какъ и въ другомъ. Все, что производитъ, измѣняетъ, уничтожаетъ первый членъ такой пары, косвеннымъ образомъ производитъ, измѣняетъ или уничтожаетъ и второй членъ. Все, что охлаждаетъ окружающую температуру, способствуетъ осажденію росы. Такъ всегда было и будетъ.—Разъ мы знаемъ, какое условіе достаточно и необходимо для одного изъ этихъ крупныхъ явленій, уму нашему дѣлается доступно будущее такъ же, какъ и прошедшее. Мы съ увѣренностью можемъ сказать, при какихъ обстоятельствахъ оно должно снова возникнуть; безъ само-надѣянности можемъ предсказать часть его будущую исторію и, съ извѣстной осторожностью, набросать нѣкоторыя черты его позднѣйшаго развитія.

VIII.

Общая проблема и будущее исторіи.—Психологическій методъ.—Значеніе литературы.—Цель моей книги. Въ настоящее время исторія достигла этой точки, или, вѣрнѣе, подошла совсѣмъ близко къ ней; находится на порогѣ къ этому изслѣдованію. Задача, которую предстоитъ теперь разрѣшить, заключается въ слѣдующемъ: опредѣлить нравственное состояніе, порождающее данную литературу, философію, обще-

ство, искусство; затѣмъ опредѣлить условія расы, момента и среды, наиболѣе благопріятствующія этому нравственному состоянію. Есть особое нравственное состояніе для каждой изъ этихъ формаций и для каждой отрасли ихъ; особое для искусства вообще и для каждого рода его въ отдѣльности, для архитектуры, для скульптуры, для живописи, для музыки, для поэзіи. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой зародышъ въ широкомъ полѣ человѣческой психологіи; каждая имѣетъ свой законъ, и въ силу этого закона она одна, и какъ будто случайно, расцвѣтаетъ среди своихъ зачахнувшихъ сосѣдокъ, какъ напр., живопись во Фландріи и Голландіи въ 17-мъ вѣкѣ, поэзія въ Англіи въ 16-мъ, музыка въ Германіи въ 18-мъ вѣкѣ. Въ эти моменты и въ этихъ именно странахъ оказались на лицо условія, нужныя для даннаго искусства и неблагопріятныя для остальныхъ; и вотъ одна отрасль процвѣтаетъ среди общаго безплодія. Эти-то законы человѣческаго роста исторія и должна теперь отыскать; она должна дать специальную психологію каждой специальной формации; должна постараться составить полную таблицу вѣхъ этихъ особенныхъ условій. Ничего не можетъ быть труднѣе и сложнѣе этого; Монтескье пытался сдѣлать это, но въ то время исторія была еще слишкомъ новой наукой, и попытка его не могла увѣнчаться успѣхомъ. Тогда еще не подозрѣвали пути, которымъ надо было итти, да и теперь онъ только едва-едва начинаетъ мелкать передъ нами. Такъ же какъ астрономія есть, въ сущности, механическая проблема, фізіологія — химическая проблема, такъ исторія, въ сущности, не что иное, какъ *психологическая проблема*. Особенная система впечатлѣній и внутреннихъ процессовъ создаетъ художника, музы-

канта, вѣрующаго, живописца, кочующаго, осѣдлаго человѣка; для каждаго изъ нихъ происхожденіе, интенсивность и взаимная связь идей и душевныхъ движеній будутъ различны; каждый изъ нихъ имѣетъ свою нравственную исторію и свой особенный складъ, отличающійся притомъ какой нибудь господствующей наклонностью, какой нибудь преобладающей чертой. Для того чтобы объяснить каждаго изъ нихъ, надо было бы написать цѣлую главу глубокаго анализа; а теперь эта работа еще только едва начата. Единственный человѣкъ, предпринявшій ее, благодаря особенному складу ума и особенному воспитанію своему, былъ Стендаль; но и до сихъ поръ большинство читателей считаетъ его книги парадоксальными и неясными. Его талантъ и идеи были преждевременны; его замѣчательныя предсказанія, удивительная правильность его обозначеній и логики, его глубокія сужденія, мимоходомъ высказанныя, не были поняты; никто не замѣтилъ, что подъ видомъ пріятнаго собесѣдника и свѣтскаго человѣка, онъ объяснялъ самыя сложныя внутренніе механизмы, что онъ указывалъ главныя пружины, что онъ вводилъ въ исторію сердца научныя приемы: вычисленіе, разложеніе, выводы, что онъ первый отмѣтилъ основныя причины, т. е. національности, климаты и температуры, словомъ, что онъ разсматривалъ чувства такъ, какъ должно разсматривать ихъ съ точки зрѣнія естествоиспытателя и физика; устанавливая классификаціи и взвѣшивая силы. Благодаря всему этому, его сочли сухимъ и эксцентричнымъ, онъ стоялъ одиноко и писалъ романы, путешествія и замѣтки, желая и находя для нихъ не болѣе двадцати читателей. А между тѣмъ именно въ его сочиненіяхъ мы и теперь находимъ

самыя удачныя попытки пробить тотъ путь, который я старался объяснить. Никто лучше его не училъ открывать глаза и смотрѣть, сначала на окружающихъ людей и современную жизнь, потомъ на древнiе, подлинныя документы, смотрѣть и читать между строкъ, видѣть подъ старой печатью, подъ каракулями текста определенное чувство, движенiе мыслей и умственное состоянiе писавшаго. Его сочиненiя, произведенiя Сентъ-Бѣва и нѣмецкихъ критиковъ покажутъ читателю, что можетъ дать литературный документъ; если этотъ документъ богатъ содержанiемъ и читатель сумѣетъ объяснить его себѣ, онъ найдетъ въ немъ не только психологiю души, но нерѣдко — психологiю вѣка, а иногда — и расы. Въ этомъ отношенiи великая поэма, хорошiй романъ или мемуары выдающагося человѣка поучительнѣе кучи историковъ и исторiй; я бы отдалъ пятьдесятъ томовъ хартiй, сто томовъ дипломатическихъ дѣлъ за мемуары Челлини, за письма св. Павла, за столбныя рѣчи Лютера или комедii Аристофана. Въ этомъ состоитъ значенiе литературныхъ произведенiй; они поучительны потому, что прекрасны; польза ихъ увеличивается съ ихъ совершенствомъ, и они служатъ документами потому, что сами составляютъ памятники. Чѣмъ нагляднѣе книга выражаетъ чувства, тѣмъ она литературнѣе, ибо главное назначенiе литературы — отмѣчать чувства. Чѣмъ болѣе важныхъ чувствъ книга отмѣчаетъ, тѣмъ выше она стоитъ въ литературѣ, такъ какъ, изображая состоянiе цѣлой нации, цѣлаго вѣка, писатель возбуждаетъ и симпатii всего вѣка, всей нации. Вотъ почему среди документовъ, возстановляющихъ передъ нашими глазами чувства предыдущихъ поколѣнiй, литература, и особенно великая литера-

тура, занимает первое мѣсто. Она похожа на тѣ замѣчательныя, необыкновенно чувствительныя аппараты, съ помощью которыхъ физики находятъ и измѣряютъ сокровеннѣйшія и тончайшія измѣненія въ тѣлахъ. Конституціи, религіи далеко ей уступаютъ; статьи закона или катехизиса рисуютъ духъ народа въ общихъ лишь чертахъ. Единственные документы, гдѣ въ политикѣ и догматахъ видна жизнь, это проповѣди и рѣчи, раздающіяся съ кафедръ и съ трибуны, мемуары и записки, — а все это принадлежитъ литературѣ; слѣдовательно, она, кромѣ своего собственнаго, пользуется еще и чужимъ добромъ. Итакъ, главнымъ образомъ, изученіе литературы дастъ возможность написать нравственную исторію и узнать со временемъ психологическіе законы, руководящіе событіями. Я намѣренъ написать исторію литературы и постараться найти въ ней психологію народа. Я не безъ основанія избралъ исторію англійской литературы. Надо было найти народъ, который имѣлъ бы обширную, полную литературу, а это рѣдкость. Мало такихъ народовъ, которые бы дѣйствительно мыслили и дѣйствительно писали въ теченіе всей своей жизни. Изъ древнихъ, латинская литература была въ началѣ ничтожной, потомъ заимствованной и подражательной. Изъ новыхъ, нѣмецкая ничего не даетъ въ продолженіи двухъ вѣковъ^{*)}, италіянская и испанская оканчиваются въ серединѣ 17-го столѣтія. Одна лишь древняя Греція и новая Франція и Англія даютъ полный рядъ великихъ и выразительныхъ памятниковъ. Я выбралъ Англію потому, что, будучи еще живой и доступной непосредственному наблюденію, она можетъ быть лучше

*) Отъ 1550—1750 г. н. э. было только два столѣтія, дѣйствитель-

изучена, нежели разрушенная цивилизація, отъ которой остались одни клочки; затѣмъ, потому, что, будучи чужой для француза, она ярче обрисовывается въ его глазахъ, чѣмъ Франція. Сверхъ того, въ этой цивилизаціи есть та особенность, что, кромѣ произвольнаго развитія, она представляетъ также насильное уклоненіе, которому подверглось при послѣднемъ и самомъ дѣйствительномъ изъ всѣхъ бывшихъ завоеваній, и что три условія, изъ которыхъ она возникла, т. е. раса, климатъ и вторженіе нормановъ, вполне отчетливо выразились въ ея памятникахъ. Такимъ образомъ, въ этой исторіи изучаешь два главные двигателя человѣческихъ преобразованій, т. е. природу и внѣшнее давленіе, изучаешь ихъ безъ сомнѣній, безъ пробѣла, въ рядѣ подлинныхъ и цѣльныхъ памятниковъ. Я старался опредѣлить эти великіе, первоначальные двигатели, показать ихъ постепенное дѣйствіе, объяснить, какимъ образомъ они вызвали на свѣтъ великія политическія, религіозныя и литературныя произведенія, разобрать внутренній механизмъ, посредствомъ котораго варваръ Саксонецъ сдѣлался англичаниномъ нашихъ дней.

1864.

Essais de critique et d'histoire. Préface.

Переводъ *Н. Стремоухова.*

Нѣсколько критиковъ сдѣлали мнѣ честь, нѣкоторые — оспаривать, нѣкоторые — одобрить то, что имъ угодно называть моею системою. Самъ я, впрочемъ, не считаю, что имѣю систему; я просто пытаюсь слѣдовать одному опредѣленному методу. Система, это — объясненіе цѣлаго и указываетъ на нѣчто уже оконченное; методъ это — приемъ работы и указываетъ на нѣчто такое, что еще нужно сдѣлать. Я желалъ работать въ опредѣленномъ направленіи и опредѣленнымъ способомъ — и только. Вопросъ въ томъ, удаченъ ли этотъ способъ? Чтобы это рѣшить, нужно примѣнить его на практикѣ; если читатель пожелаетъ произвести опытъ, то онъ будетъ въ силахъ произнести свое сужденіе. Я же, вмѣсто того чтобы опровергнуть возраженія, дамъ очеркъ того приема, который ихъ породилъ; тѣ, которые воспользуются этимъ методомъ, узнаютъ по собственному опыту, можетъ ли мой методъ служить средствомъ открывать истину.

I.

Онъ весь цѣликомъ заключается въ томъ наблюденіи, что въ мірѣ духовномъ (*choses morales*) дѣй-

ствуютъ совершенно такъ-же, какъ и въ мірѣ физическомъ (*choses physiques*), *связь сосуществованія* (*des dépendances*) и *связь послѣдовательности* (*des conditions*).

Предположимъ, что это положеніе пожелаютъ провѣрить и измѣрить область его примѣненія. Читатель возьметъ, напримѣръ, какого-нибудь дѣятеля искусства, ученаго, писателя—или поэта, или романиста—и прочтетъ его творенія съ перомъ въ рукѣ. Чтобы прочесть хорошо, онъ распредѣлитъ эти творенія на естественныя группы и въ каждой группѣ будетъ различать три элемента, которые принято называть: дѣйствующими лицами или характерами, дѣйствиємъ или интригой, стилемъ или способомъ писать. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ онъ, по обычаю всякаго критика, отмѣтитъ какими-нибудь краткими и яркими выраженіями выдающіяся особенности, преобладающія черты и свойства своего автора. По окончаніи изслѣдованія первой группы, изъ подъ его пера, если онъ имѣетъ хоть нѣкоторый навыкъ въ подобнаго рода работахъ, совершенно невольно выльется фраза, удивительная по своей силѣ и выразительности, фраза, которая подведетъ итогъ всей его работѣ, укажетъ ему на опредѣленнаго рода вкусъ и дарованія, на опредѣленный складъ ума или души, на опредѣленную цѣпь симпатій и антипатій, способностей и недостатковъ, — словомъ, эта фраза укажетъ ему на опредѣленное *психологическое состояніе*, господствующее и неизмѣнно присутствующее въ его авторѣ.

Далѣе, пусть читающій эти строки произведетъ то же изслѣдованіе по отношенію къ остальнымъ указаннымъ группамъ. Затѣмъ, пусть онъ сравнитъ тѣ три или четыре вывода, къ которымъ онъ пришелъ

въ каждомъ изъ этихъ частичныхъ анализовъ; затѣмъ, пусть онъ прибавитъ къ разбору сочиненій автора его жизнь, подъ которой я понимаю его отношенія къ людямъ, его философію, т. е. его міросозерцаніе, его нравственность и его эстетику, т. е. его общіе взгляды на сущность добра и красоты; наконецъ, пусть изслѣдователь сблизитъ всѣ свои краткія формулы, гдѣ сконцентрировалась сущность тѣхъ тысячъ наблюденій, которыя онъ произвелъ, и тѣхъ сотенъ сужденій, которыя онъ произнесъ. Если опредѣленія изслѣдователя точны; если онъ обладаетъ навыкомъ схватывать чувства и способности сквозь слова, которыя ихъ выражаютъ; если внутреннее око, посредствомъ котораго мы сразу узнаемъ и опредѣляемъ характеръ нравственныхъ существъ, у него въ достаточной степени упражнялось и въ достаточной степени обладаетъ способностью проникновенія—тогда онъ увидитъ, что его семь или восемь формулъ *связаны* другъ съ другомъ; что, разъ первая дана, то остальные не могли быть иными; что, слѣдовательно, свойства, которыя онѣ представляютъ, слѣплены другъ съ другомъ такъ, что если бы одна изъ этихъ формулъ измѣнилась, то остальные тоже въ соотвѣтственной мѣрѣ измѣнились бы; и что, такимъ образомъ, всѣ эти формулы образуютъ собою систему, подобную организму. Изслѣдователь не только смутно будетъ ощущать то взаимное согласіе, въ которомъ гармонично сливаются различныя способности одного духа, но онъ будетъ имѣть ясное представленіе объ этомъ согласіи; онъ будетъ въ состояніи доказать логическимъ путемъ, что опредѣленное свойство—сила или бѣдность воображенія, ораторскія или лирическія способности—констатированное въ одной области, должно простираться свое

вліяніе на всѣ другія. Продолжая такія разсужденія, онъ свяжетъ между собой разнообразныя наклонности человѣка, котораго онъ разсматриваетъ, сведя ихъ къ небольшому количеству господствующихъ стремленій, изъ котораго все это разнообразіе наклонностей беретъ свое начало и въ которомъ они находятъ свое объясненіе; эта непрерывная цѣпь разсужденій позволитъ ему обозрѣть въ общей картинѣ всѣ чудесныя необходимости, которыми связаны между собою безчисленныя и спутанныя нити разнообразныхъ отгѣнковъ, образующія всякое человѣческое существо.

Таковъ будетъ случай наиболѣе простой. Я предполагаю теперь, что мой читатель пожелаетъ провѣрить мое положеніе на примѣрѣ болѣе широкомъ и болѣе сложномъ: на обширной школѣ, напр. англійскихъ или испанскихъ драматурговъ, флорентинскихъ или венеціанскихъ живописцевъ, на цѣлой цивилизаціи, напр. древняго Рима; на расѣ, напр. семитовъ; даже на цѣлой группѣ нѣсколькихъ расъ, напр. арійскихъ народовъ, и, для примѣра, на одной точно опредѣленной исторической эпохѣ, напр. на вѣкѣ Людовика XIV. Для такого опыта потребовалось многое прочесть и многое повидать и, по всѣмъ вѣроятіямъ, отъ такого большаго количества наблюденій въ мозгу читателя осталось нѣкоторое общее впечатлѣніе, я хочу сказать смутное чувство неясно установленнаго соответствія между множествомъ твореній и множествомъ идей, промелькнувшихъ передъ нимъ. Но я прошу его подвинуться далѣе и путями болѣе надежными. Въ данномъ случаѣ, такъ же какъ и въ случаѣ предшествующемъ, такъ-же какъ и при всякомъ точномъ изысканіи, слѣдуетъ прежде всего классифицировать факты и разсматривать каждую

группу фактовъ отдѣльно. Съ одной стороны необходимо различать великія творенія человѣческаго ума: искусство и философію, съ другой—два великія творенія человѣческаго общенія: семью и государство, съ третьей же—три великія творенія матеріальнаго человѣческаго труда: промышленность, торговлю и земледѣліе; затѣмъ, въ каждой изъ этихъ общихъ группъ необходимо отмѣтить группы частныя, составляющія подраздѣленія общихъ. Возьмемъ для примѣра только одну общую группу, именно философію; послѣ того, какъ читатель изучитъ господствующія ученія, начиная съ Декарта и вплоть до Малербранша, послѣ того какъ, отмѣтивъ ихъ методъ, теорію пространства и мышленія, опредѣленіе Божества, нравственности и всего прочаго—онъ себѣ ясно представитъ точку отправленія и духъ, опредѣлившіе все твореніе; послѣ того, какъ онъ уяснитъ себѣ ея идею, сопоставивъ вмѣстѣ бурную философію предшествующаго вѣка, гдѣ преобладало воображеніе, современную разрушительную и уничтожающую англійскую философію, опытную и скептическую философію послѣдующаго вѣка—ему удастся открыть во французской философіи XVII вѣка одно опредѣленное стремленіе, изъ котораго, какъ изъ источника, объясняется и ея подчиненность и независимость, ея теологическая скудость и логическая ясность, ея нравственное благородство и умозрительная сухость, ея склонность къ дедукціи и презрѣніе къ опыту, съ одной стороны какая-то смѣсь компромиссовъ съ крайними взглядами, смѣсь, указывающая, что раса болѣе способна къ анализу, чѣмъ къ синтезу, съ другой какая-то смѣсь вдохновенія съ холодностью, указывающая, что эпоха не столько склонна увлекаться чувствомъ, сколько заботиться о корректности.

Теперь произведемъ подобное же изслѣдованіе надъ остальными группами современныхъ явленій умственной и практической дѣятельности человѣчества и сравнимъ другъ съ другомъ полученные краткіе выводы, которые въ удобоподвижной формѣ заключаютъ въ себѣ сущность разсмотрѣннаго творенія; если тѣмъ, своего рода химическимъ, приѣмомъ, который называется психологическимъ анализомъ, опредѣлить составныя части каждаго краткаго вывода, то окажется, что одни и тѣ же элементы встрѣчаются въ разныхъ стеклянкахъ; что тѣ же способности и тѣ же потребности, которыя породили философію, породили религію и искусство; что человѣкъ, съ которымъ имѣла дѣла эта философія, эта религія, это искусство, былъ способенъ наслаждаться ими и понимать ихъ, подготовленный къ тому монархическимъ строемъ общества и этикетомъ, царившимъ въ салонахъ; что сцена, разговоры, сады, семейные нравы, іерархическое устройство государства, покорность подданнаго, благородное холопство знати и низкое холопство простого народа, всѣ подробности частной и общественной жизни, одинаково содѣйствовали укрѣпленію господствовавшихъ чувствъ и способностей; и не только откроется, что различныя части этой цивилизаціи, столь широкой и столь сложной — взаимно сплочены между собой *связью сосуществованія*, но и то, что эта связь сосуществованія имѣетъ свою причинной единство опредѣленныхъ расположеній и опредѣленныхъ склонностей, всюду тѣхъ же, но въ различныхъ видахъ разбѣянныхъ по тѣмъ различнымъ сосудамъ, по которымъ разлился металлъ человѣческой массы. Разстояніе между аллеей Версаля, философскимъ и теологическимъ разсужденіемъ Малербранша, правиломъ стихосложенія у Буало, закономъ

Кольбера о гипотекахъ, любезностью, которой обмѣнивались въ переднихъ въ Марли, сентенціей Боссюэта о царствѣ Божіемъ,—разстояніе между всѣмъ этимъ кажется безконечнымъ и непреодолимымъ: связи, повидимому, здѣсь нѣтъ никакой. Всѣ эти явленія до такой степени мало сходны, что съ перваго взгляда о нихъ судятъ такъ, какъ они намъ представляются, т. е. изолированными другъ отъ друга и розобщенными между собой. Но въ дѣйствительности, явленія *соприкасаются другъ съ другомъ черезъ посредство общихъ чертъ группы, въ которыя они входятъ*, соприкасаются совершенно такъ-же, какъ слиты на вершинѣ горы потоки водъ, бассейна, текущіе по ея склону. Каждое изъ явленій эпохи есть дѣйствіе того идеальнаго и обобщеннаго челоуѣка, вокругъ котораго собираются всѣ изобрѣтенія и всѣ характерныя особенности эпохи; каждое изъ нихъ имѣетъ своей причиной какое-нибудь расположеніе или склонность господствующаго образца. Различныя склонности и расположенія этой центральной личности приходятъ другъ съ другомъ въ равновѣсіе, въ гармонію; умѣряются взаимно въ опредѣленныхъ, господствующихъ наклонностяхъ и способностяхъ, такъ какъ вѣдъ тутъ одно и то же сердце и одинъ и тотъ-же умъ и размышлялъ, и молился, и творилъ образы и дѣйствовалъ, такъ какъ одно и то же общее положеніе и одна и таже врожденная природа образовали и направили раздѣльныя и различныя творенія, такъ какъ одна и таже печать дала различныя отпечатки на различномъ матеріалѣ. Ни одинъ изъ отпечатковъ не можетъ измѣниться безъ того, чтобы вслѣдъ за нимъ не измѣнились всѣ остальные, потому что измѣненіе одного отпечатка обусловлено измѣненіемъ самой печати.

Намъ остается сдѣлать еще одинъ шагъ. До сихъ поръ дѣло шло о связи явленій *одновременно-существующихъ*; теперь слѣдуетъ сказать о связи явленій, *смыслящихся другъ друга во времени*. Читатель могъ убѣдиться, что въ мірѣ духовномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, дѣйствуетъ *связь сосуществованія*; теперь онъ долженъ убѣдиться въ томъ, что въ мірѣ духовномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, дѣйствуетъ *связь послѣдовательности*.

Вы искали и нашли опредѣленіе группы, т. е. ту краткую фразу, точную и выразительную, которая заключаетъ въ своихъ узкихъ предѣлахъ существенныя черты, изъ которыхъ могутъ быть выведены остальные. Предположимъ, что въ данномъ случаѣ опредѣленіе указываетъ на существенныя черты выше-рассмотрѣннаго XVII вѣка; сравните его съ тѣми опредѣленіями, которыми вы охарактеризовали предшествующую эпоху и еще болѣе раннія эпохи исторіи той-же страны; посмотрите затѣмъ, не содержатъ ли отдѣльныя звенья этой цѣпи общихъ элементовъ. Такой элементъ найдется, это—характеръ и духъ, присуцій расѣ, передающійся изъ поколѣнія въ поколѣніе и неизмѣнный, несмотря на измѣненія культуры, на различія политическихъ устройствъ и пестроту продуктовъ. Разъ образовавшись, этотъ характеръ и этотъ духъ уже склонны въ большей или меньшей степени или къ дисциплинѣ или же къ личной независимости, къ глубокому умозрѣнію или къ поэтическому вдохновенію, къ религіи, опирающейся на велѣнія совѣсти, или-же опирающейся на логику, на привычку, или на впечатлѣнія глазъ. Въ данный моментъ, въ теченіе извѣстнаго періода, они создаютъ извѣстное твореніе, и ихъ природа въ соединеніи съ природою ихъ творенія есть *условіе*

творенія послѣдующаго, совершенно такъ же, какъ и въ организмѣ первоначальный темпераментъ въ соединеніи съ непосредственно-предшествующимъ состояніемъ обуславливаетъ послѣдующее состояніе. Здѣсь, какъ и въ мірѣ физическомъ, условіе необходимо и достаточно; если оно на лицо, — твореніе не можетъ не возникнуть; если, на оборотъ, опредѣленное предшествующее состояніе отсутствуетъ, — твореніе не можетъ появиться. Англійскій характеръ и завѣщанный Стюартами Тюдорамъ деспотизмъ породили англійскую революцію. Французскій характеръ и завѣщанныя гражданскими войнами Бурбонамъ дворянскія неурядицы породили монархію Людовика XIV. Для того, чтобы при Львѣ X могло такъ великолѣпно разцвѣсть искусство живописи, требовался ранній и выразительный геній итальянцевъ, соединенный съ продолжительнымъ господствомъ энергичныхъ нравовъ и физическихъ инстинктовъ среднихъ вѣковъ. Для того, чтобы въ первые вѣка нашей эры могло развиваться такое удивительное множество мистическихъ ученій, философскихъ и религиозныхъ, требовалось расположеніе къ философской спекуляціи нашихъ арійскихъ расъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ было необходимо, чтобы міръ, придавленный тяжестью безъисходнаго деспотизма, былъ разрушенъ, а духъ — сильно бы расширилъ свой кругозоръ благодаря разгромленію народностей. Пусть мой читатель попробуетъ произвести опытъ подобнаго анализа надъ какой угодно исторической эпохой; если онъ будетъ отправляться отъ первоисточниковъ, если онъ будетъ послѣдовательно перебирать всѣ стороны своего предмета, если онъ постепенно будетъ подыматься отъ чертъ, характеризующихъ группы меньшія, къ чертамъ, характеризую-

щимъ группы болѣе обширныя, если онъ будетъ внимательно провѣрять свои выводы и непрестанно заботиться о ихъ точности, если онъ приучится вѣрно улавливать тѣ общія свойства и тѣ общія состоянія, которыя простираются свое владычество на цѣлыя вѣка и народы—тогда онъ убѣдится, что эти общія состоянія зависятъ отъ свойствъ и состояній предшествующихъ, которыя въ свою очередь столь же общи, какъ и послѣдующія, и что развѣ предшествующія даны, то послѣдующія должны были наступить; тогда онъ убѣдится, что и тѣ и другія входятъ, какъ часть, въ великое шествіе исторіи, что и тѣ, и другія создаютъ или разрушаютъ цивилизаціи въ зависимости отъ того, находятся ли эти свойства и состоянія въ гармоничномъ согласіи или, напротивъ, не соотвѣтствуютъ другъ другу; что наша маленькая эфемерная жизнь есть лишь струя въ ихъ потокѣ; что только въ нихъ и черезъ нихъ мы дѣйствуемъ и живемъ. Спустя небольшой промежутокъ времени изслѣдователь обниметъ однимъ общимъ взглядомъ ту среду, которую характеризуютъ эти свойства и состоянія; онъ не будетъ болѣе видѣть въ нихъ абстрактныхъ формулъ, но живыя силы, примѣшанныя къ вещамъ, воюду присутствующія, вѣчно дѣйствующія; они истинные боги человѣческаго міра; они подаютъ руку другимъ силамъ, которыя такъ же царятъ надъ матеріей, какъ они царятъ надъ духомъ; и такимъ образомъ силы духа и силы матеріи составляютъ въ совокупности общій хоръ, по которомъ повѣствуютъ старинные поэты, хоръ, который движется во всѣхъ вещахъ и благодаря которому во вселенной слышится бѣненіе вѣчной жизни.

II.

Какъ видите, дѣло здѣсь идетъ объ опытѣ, подобномъ тѣмъ, которые производятъ ученые въ физиологии и химіи. Какъ въ одномъ случаѣ, такъ и въ другомъ, изслѣдователь говоритъ вамъ: „Возьмите такое-то вещество, разложите его такимъ-то способомъ, произведите съ нимъ такія-то операціи и въ такомъ-то порядкѣ; тогда вамъ удастся подмѣтить такія-то зависимости и установить такой-то принципъ. Я добылъ эти выводы наблюденіемъ тридцати или сорока случаевъ, взятыхъ при различныхъ условіяхъ“. Можно принять или опровергнуть его мысль, лишь продѣлавши вторично его опыты. Не будетъ возраженіемъ, если вы ему скажете: „Вашъ методъ плохъ, такъ какъ стиль рѣчи, благодаря ему, дѣлается сухимъ и неприятнымъ“. Онъ вамъ отвѣтитъ во всеулыпаніе: „Тѣмъ хуже для меня“.

Будетъ ли передъ нами фактъ строенія ткани, опредѣленнаго посредствомъ микроскопа, или же равенства двухъ тѣлъ въ вѣсѣ, установленнаго взвѣшиваніемъ, или, наконецъ, фактъ соотвѣтствія между способностями и чувствами, распознаннаго критикой—все равно, цѣнность его одинакова; нѣтъ такого верховнаго авторитета, который бы могъ его отвергнуть съ перваго взгляда, безъ предварительной повѣрки; для того, чтобы признать фактъ невѣрнымъ, всякій обязанъ пройти снова тотъ путь, которымъ фактъ получился. Когда физиологъ вамъ говоритъ, что анатомическіе элементы образуются самопроизвольнымъ зарожденіемъ въ живомъ индивидѣ, и что живой индивидъ есть агрегатъ элементарныхъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый одаренъ личной и самостоятельной жизнью, — считаете ли вы себя въ правѣ протесто-

вать? Такіе протесты теперь не могутъ имѣть мѣста ни въ одной наукѣ—въ исторіи такъ-же мало, какъ въ физиологіи и химіи—съ тѣхъ поръ, какъ право провѣрять человѣческія вѣрованія всецѣло перешло на сторону опыта, а наставленія и доктрины, которыя раньше служили средствомъ повѣрять и санкціонировать наблюденіе, черпаютъ изъ него всю свою достовѣрность.

Легко, сверхъ того, понять, что подобныя возраженія основаны на недоразумѣніи и что вапшъ противникъ, самъ того не сознавая, введенъ въ заблужденіе словами. Онъ васъ упрекаетъ въ томъ, что вы считаете національные характеры и общія условія единственными великими силами исторіи, и, отправляясь отсюда, онъ заключаетъ, что вы не признаете за личностью никакой роли. Онъ забываетъ, что эти великія силы—не что иное, какъ сумма склонностей и расположеній личностей, что наши общіе термины являются коллективными выраженіями, посредствомъ которыхъ мы съ одной точки зрѣнія соединяемъ двадцать или тридцать милліоновъ душъ, склонныхъ къ одному и тому же и дѣйствующихъ въ одномъ и томъ же направленіи, что, если сто человѣкъ вращаютъ колесо, то общая сила, заставляющая колесо перемѣщаться, складывается изъ отдѣльныхъ силъ этихъ ста человѣкъ, и что личности на столько-же существуютъ и вліяютъ въ народѣ, въ вѣкѣ или въ расѣ, насколько единицы, входящія въ составъ дѣйствія сложенаго существующей и вліяютъ въ конечномъ итогѣ.

Совершенно подобнымъ же образомъ онъ васъ упрекаетъ еще въ томъ, что вы низводите человѣка на степень машины, подчиняете нѣсколькимъ внутреннимъ колесамъ, покоряете его окружающимъ

могучимъ вліяніямъ, отрицаете независимость и свободу личности и разочаровываете насъ въ нашихъ усиліяхъ, утверждая, что и во внѣшней и во внутренней своей дѣятельности мы зависимы и движимы силами, въ созданіи которыхъ мы не участвовали, но воздѣйствію, которыхъ принуждены подчиняться. Онъ также точно забываетъ теперь, что такое индивидуальная душа, какъ недавно забывалъ, что такое историческая сила; онъ отдѣляетъ слово отъ вещи; онъ лишаетъ слово содержания и откладываетъ его въ сторону, какъ нѣчто отличное и самостоятельное. Онъ перестаетъ понимать составные элементы индивидуальной души такъ-же точно, какъ недавно не понималъ составныхъ элементовъ исторической силы: тогда онъ не видѣлъ индивидуумовъ, сумма которыхъ и составляетъ историческую силу, теперь онъ не видитъ способностей и наклонностей души, совокупность которыхъ и составляетъ душу. Онъ не замѣчаетъ того, что основныя расположенія и наклонности души принадлежать ей, что тѣ изъ нихъ, которыя она заимствуетъ изъ общихъ условій или изъ національнаго характера, уже суть, или тотчасъ же дѣлаются ея личными свойствами, что въ тѣхъ случаяхъ, когда душа дѣйствуетъ подъ ихъ вліяніемъ, она дѣйствуетъ по своему почину, своей личной силой, самопроизвольно, съ полной инициативой и неся цѣликомъ отвѣтственность; онъ не замѣчаетъ того, что аналитическій пріемъ, при помощи котораго различаютъ ея главныхъ двигателей, послѣдовательное накопленіе и распредѣленіе ея первоначальнаго движенія, вовсе не мѣшаетъ цѣлому, которое и есть душа, почерпать въ самомъ себѣ свое стремленіе и свое направленіе, т. е. свою энергію и свою

силу. Онъ не замѣчаетъ также того, что подобнаго рода изысканія не только не разочаровываютъ чело-вѣка, указывая на его рабское положеніе, но, наоборотъ, увеличиваютъ въ результатѣ его надежды, такъ какъ расширяютъ его могущество; что эти изысканія, какъ и науки о физическомъ мірѣ, приводятъ къ установленію постоянныхъ зависимостей между явленіями; что открытіе этихъ зависимостей въ наукахъ о физическомъ мірѣ дало людямъ средство предвидѣть и до нѣкоторой степени видоизмѣнить явленія природы; что аналогичныя открытія въ наукахъ о духовномъ мірѣ должны доставить людямъ средства предвидѣть и въ нѣкоторыхъ границахъ видоизмѣнять явленія исторіи. И это потому, что мы тѣмъ свободнѣе располагаемъ своей участью, чѣмъ точнѣе распознаемъ взаимную связь вещей. Когда намъ удалось узнать достаточное, и необходимое условіе явленія, потомъ условіе этого условія и т. д., то нашимъ взорамъ раскрывается цѣлая цѣпь данныхъ, въ которой достаточно перемѣstitь одно звено, чтобы перемѣstitь всѣ за нимъ слѣдующія; такъ что подчиненіе послѣднихъ, даже если они находятся внѣ сферы нашего воздѣйствія, наступаетъ какъ слѣдствіе съ того момента, какъ мы овладѣли однимъ изъ предшествующихъ звеньевъ. Вотъ въ этомъ-то и заключается тайна всѣхъ нашихъ практическихъ успѣховъ за послѣдніе триста лѣтъ; ¹⁾ мы разчленили и опредѣлили группы явленій до такой степени связанна другъ съ другомъ, что разъ первое появляется, второе всегда необходимо слѣдуютъ за нимъ, такъ что, дѣйствуя непосредственно на первое, мы

¹⁾ См. удивительную Систему Логики Д. С. Милля, въ особенноти его Теорію Индукціи.

тѣмъ самымъ вліяемъ косвенно на второе. Вотъ именно такимъ путемъ увеличеніе знанія увеличиваетъ могущество, а отсюда можно съ очевидностью вывести, что въ наукахъ о мірѣ духовномъ такъ-же, какъ и въ наукахъ о мірѣ физическомъ, плодотворность изысканія заключается въ томъ, что оно, способствуя распознаванію смежныхъ явленій, т. е. способствуя установленію *связи послѣдовательности* и *связи сосуществованія* вещей, даетъ человѣку возможность вмѣшиваться въ дѣятельность великаго механизма природы и разстроить или исправить функцію какого-нибудь маленькаго колеса; хотя это маленькое колесо съ одной стороны на столько незначительно, что можетъ быть передвигаемо силой человѣка, но съ другой стороны оно обладаетъ такимъ значеніемъ, что его изъятіе или его включеніе можетъ повлечь огромное измѣненіе въ работѣ машины и даже позволить употребить всю машину, гдѣ бы она ни дѣйствовала—какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи,—цѣликомъ на пользу того мыслящаго насѣкомаго, которое проникло въ экономію его устройства.

Наука исторіи измѣняется въ настоящее время именно въ этомъ смыслѣ и въ этомъ направленіи; именно такая работа можетъ обратить исторію изъ простаго разсказа въ науку и позволить ей заняться установленіемъ законовъ послѣ изложенія фактовъ. Нѣсколько такихъ законовъ мы уже видимъ; всѣ они безусловно точны и безусловно-всеобщи и всѣ они соотвѣтствуютъ тѣмъ законамъ, которые были подмѣнены наукой о живыхъ организмахъ. Въ этомъ отношеніи философія исторіи человѣчества воспроизводитъ, какъ вѣрная копія, философію естественной исторіи.

Натуралисты замѣтили, что различные органы

животнаго зависятъ другъ отъ друга, что, напр., зубы, желудокъ, ноги, инстинкты и многія другіе факторы измѣняются совмѣстно, въ такой степени точно слѣдуя при этомъ опредѣленной связи, что съ видоизмѣненіемъ одного изъ нихъ всѣ остальные видоизмѣняются въ соотвѣтственной мѣрѣ¹⁾. — Историки точно такъ-же могутъ замѣтить, что различныя расположенія и склонности индивидуума, расы, эпохи, столь тѣсно связаны другъ съ другомъ, что измѣненіе одного изъ этихъ данныхъ, наблюдаемое въ сосѣднемъ индивидуумѣ, въ ближайшей группѣ, въ эпохѣ предшествующей или послѣдующей, знаменуетъ черезъ ихъ посредство соотвѣтственное измѣненіе всей системы.

Натуралисты констатировали что чрезмѣрное развитіе какого-нибудь органа у животнаго, какъ напр. у кенгуру или у летучей мыши, влечетъ за собой ослабленіе или уменьшеніе органовъ соотвѣтствующихъ²⁾. — Историки подобнымъ же образомъ могутъ констатировать, что необыкновенное развитіе одной способности, какъ напр. расположенія къ этическимъ умозрѣніямъ въ германскихъ расахъ, или расположенія къ религіозности и метафизикѣ у индусовъ, влечетъ ослабленіе въ тѣхъ же самыхъ расахъ способностей противоположныхъ.

Натуралисты доказали, что среди особенностей извѣстной животной или растительной группы однѣ играютъ роль подчиненную, иногда проявляясь слабѣе, иногда и совсѣмъ отсутствуя; другія, какъ напр. строеніе растенія въ формѣ концентрическихъ слоевъ или организація позвоночнаго животнаго, на-

¹⁾ La connexion des caracteres, законъ Кювье. См. дальнѣйшее развитіе закона Ричардомъ Оуэномъ.

²⁾ Le balancement organique, законъ Ж. Сентъ-Илера.

противъ, имѣють значеніе основное и опредѣляютъ весь планъ его экономіи.—Историки могутъ такимъ же образомъ доказать, что среди особенностей человѣческой группы или отдѣльной человѣческой личности однѣ играютъ роль подчиненную и второстепенную, другія, какъ напр., преобладаніе образовъ или идей, большее или меньшее расположеніе къ болѣе или менѣе широкимъ обобщеніямъ, имѣють значеніе господствующее и заранѣе точно опредѣляютъ направленіе ихъ жизни и характеръ ихъ дѣятельности ¹⁾).

Натуралисты указываютъ, что въ какомъ-нибудь классѣ или даже въ отдѣльномъ подклассѣ животнаго царства у всѣхъ видовъ встрѣчается одинъ и тотъ же планъ организаціи: нога собаки, нога лошади, крыло летучей мыши, рука человѣка, плавникъ кита,—все это одинъ и тотъ же анатомическій элементъ, приспособленный нѣкоторымъ частичнымъ сокращеніемъ или растяженіемъ къ самому разнообразному употребленію. Историки могутъ доказать подобнымъ же методомъ, что у одного и того же дѣятеля искусства, въ одной и той же школѣ, въ одномъ и томъ же вѣкѣ, въ одной и той же расѣ личности, наиболѣе несхожія и по условіямъ жизни, и по полу, и по воспитанію и по характеру, представляютъ въ общемъ одинъ и тотъ же типъ, т. е. нѣкоторое ядро первоначальныхъ способностей и расположеній, различнымъ образомъ уменьшенныхъ, скомбинированныхъ, увеличенныхъ, способностей и расположеній, которыя своими измѣненіями образуютъ безчисленныя разновидности группы ²⁾).

¹⁾ Принципъ соотношенія органовъ, который полагается въ основаніе ботаническихъ и зоологическихъ классификацій.

²⁾ Теорія и аналогичности и единства плана, Ж. Сентъ-Илера. См. дальнѣйшее развитіе теоріи Ричардомъ Оуэномъ.

Натуралисты устанавливаютъ, что тѣ изъ индивидовъ каждаго животнаго вида развиваются лучше и размножаются безпрепятственнѣе, особенности строения которыхъ лучше всего приспособлены къ условіямъ окружающей обстановки; что въ другихъ индивидахъ противоположныя свойства приводятъ и къ противоположнымъ результатамъ; что естественный ходъ вещей порождаетъ такимъ путемъ непрерывный естественный подборъ и постепенное совершенствованіе; что это слѣпое предпочтеніе и эта слѣпая немилость природы дѣйствуетъ, какъ искусственный подборъ, и что такимъ путемъ природа въ каждой средѣ даетъ жизнь и господство тѣмъ видамъ, которые наиболѣе къ этой средѣ приспособлены. — Историки могли бы установить аналогичными наблюденіями и аналогичнымъ разсужденіемъ, что въ каждой человеческой группѣ пользуются наибольшимъ авторитетомъ и достигаютъ наиболѣе широкаго развитія тѣ изъ индивидовъ, расположенія и склонности которыхъ лучше всего соотвѣтствуютъ расположеніямъ и склонностямъ всей группы, что духовная среда такъ-же, какъ и физическая, дѣйствуетъ на каждаго индивидуума, непрестанно его или подталкивая, или задерживая; что среда губить однихъ и даетъ возможность развиться другимъ въ зависимости отъ степени соотвѣтствія или несоотвѣтствія индивидуума съ ней; что этотъ неслышный трудъ—тоже своего рода подборъ и что серіей неумовимыхъ образованій и разложеній среда поражаетъ и выводитъ на сцену исторіи дѣятелей искусства, философовъ, религіозныхъ реформаторовъ, политиковъ, которые способны истолковать и выполнить мысль ихъ времени и ихъ расы; совершенно такъ-же физическая среда выдвигаетъ на сцену природы виды животныхъ.

и растений, наиболее способные ужиться въ известномъ климатѣ и на известной почвѣ ¹⁾.

Можно было бы насчитать еще много другихъ аналогій между *естественной исторіей и исторіей человечества*. Все дѣло вѣдь въ томъ, что содержаніе и той и другой одинаково. И въ той, и въ другой оперируютъ съ естественными группами, т. е. съ индивидами, которые построены по одному общему типу и которыхъ можно дѣлить на семьи, роды и виды. И въ той и въ другой объектъ изслѣдованія одаренъ жизнью, т. е. подчиненъ самопроизвольному и непрерывному развитію. И въ той и въ другой первоначальная форма передается наследственно, а приобретенная форма передается по частямъ и медленно, подъ вліяніемъ наследственности. И въ той и другой организованная молекула развивается лишь подъ вліяніемъ своей среды. И въ той и другой каждое состояніе органическаго существа обуславливается во первыхъ предшествующимъ состояніемъ, во вторыхъ общимъ стремленіемъ типа. Во всѣхъ проявленіяхъ своего развитія разумное животное, т. е. *человѣкъ, составляетъ продолженіе животнаго неразумнаго*; и это потому, что способности *человѣка* всѣ одинаково коренятся въ жизни мозга, какъ высшія способности, которыя присущи только *человѣку*, такъ и низшія, которыми не онъ одинъ обладаетъ; и, благодаря такой всеобщности своего дѣйствія, законы органическаго міра простираютъ свое владычество и на ту особую область, на порогъ которой естественныя науки останавливаются, чтобы уступить господство нравственнымъ наукамъ.

Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ, что нрав-

¹⁾ Естественный подборъ, законъ Дарвина.

ственнымъ наукамъ открыто одинаковое поприще съ науками естественными; что исторія, явившаяся послѣ всѣхъ, такъ-же, какъ и ея старшія сестры, можетъ открывать законы; что, какъ и онѣ, она можетъ въ своихъ предѣлахъ направлять мышленіе и руководить усиліями людей; что рядомъ правильно произведенныхъ изысканій ей удастся опредѣлить условія великихъ человѣческихъ явленій, т. е. опредѣлить обстоятельства, необходимыя для возникновенія, для существованія и для исчезновенія различныхъ формъ человѣческаго общенія, человѣческаго мышленія и человѣческой дѣятельности. Таково поле, которое открыто исторіи; нѣтъ у него границъ; въ столь обширной области веѣ усилія отдѣльнаго человѣка могутъ не болѣе, какъ на шагъ или на два, подвинуть его впередъ; сначала онъ изслѣдуетъ одинъ уголокъ, потомъ другой; по временамъ онъ останавливается, чтобы установить путь, который ему кажется наиболѣе короткимъ и наиболѣе надежнымъ. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ и состоитъ все то, что я пытался сдѣлать: живѣйшее удовольствіе работающаго ума заключается въ мысли о той работѣ, которую позже выполнять другіе.

Мартъ 1866 года.

